

ДЕЛО № 2

Небесная

Канцелярия.

Сказка о любви

ИСПОЛНИТЕЛЬ Руслан Ковальчук

12+

Руслан Ковальчук

Небесная канцелярия.
Сказка о Любви

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ковальчук Р. В.

Небесная канцелярия. Сказка о Любви / Р. В. Ковальчук —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99432-4

Взрослая сказка о маленькой девочке, которую внезапно поразил коварный, смертоносный недуг. Несмотря на все усилия врачей, ситуация ухудшается с каждым днем. И даже ангелы, суевающиеся на небесах, не могут помочь. Что же делать, если печальный конец уже предрешен? Пожалуй, надеяться на чудо. Чудо, которое обязательно явит настоящая любовь!

ISBN 978-5-532-99432-4

© Ковальчук Р. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Приемный НЕпокой	5
Глава 2. О спорт! Ты – жизнь!	10
Глава 3. Параллельная Вселенная	16
Глава 4. Первое знакомство	22
Глава 5. Зав	29
Глава 6. Солнечный чертик	35
Глава 7. В нашем доме поселился замечательный сосед	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Руслан Ковальчук

Небесная канцелярия. Сказка о Любви

Глава 1. Приемный НЕпокой

Оля с Дашей сидели в длинном, душном и тусклом коридоре приемного отделения областной больницы в ожидании своей очереди. Невзирая на то, что Оля пришла с дочкой к восьми вместо объявленных ей «не позже девяти», приемный покой был полон. Даже место присесть с трудом нашлось. А скорость, с которой больные, получив свое направление, отправлялись укладываться, грозила украсть, по меньшей мере, полдня. Рабочего дня, между прочим! И это мелочи, что Оля отпросилась на весь день. Её все равно ждала работа, которая упорно не желала убежать в лес, хоть на день просись, хоть на неделю.

Даша устроилась у мамы на плече и мирно дремала. Ночной приступ рвоты совершенно вымотал бедняжку! И теперь она, воспользовавшись моментом, тихонько посапывала, отбросив прочь все навязчивые мысли. Мысли о математике, например, которая упорно не желала решаться.

А Оле было не до сна. Она то и дело заглядывала в файл с документами, проверяя, все ли она взяла с собой. «Свидетельство на месте, направление лежит». И в сумку с вещами. «Ложку не забыла? А пижаму Дашкину взяла? Халат свой?». А еще на часы посматривала. 9:41. Ну, хорошо, девять, сорок одна. И что?! Да хоть полпятого! Дождаться своей очереди надо любому.

В голове вертелись события, приведшие ее сюда. Когда это все началось?

Да после Нового года. Точно! В этом, как впрочем, и в прошлом, и позапрошлом, году «НГ» было решено праздновать на даче покойного Олиного отца. Бодя уже достаточно взрослый, чтобы веселиться со всеми детьми. Бюджетно, комфортно. Отцовский дом постепенно стал символом Нового года для семейства Солнцевых.

Теплый и уютный дом на два этажа с двумя спальнями и одним залом, который прекрасно трансформировался в еще одну «ночевалку», просторная кухня, деревянная мебель. Настоящая, между прочим. Отцу ее делал на заказ один почитатель, умелец из Сибири. То ли доски для мебели он брал волшебные, то ли руки у него волшебными были, но мебель, сделанная им, сохраняла непередаваемый древесный аромат вот уже второе десятилетие. Просто сказка! А еще печка. Настоящая русская печка! С лежанкой, места на которой загодя оговаривались между детьми. С ухватом и глиняными горшками, в которых Оля с подругами иной раз что-то интересное запекала. Со стопкой дров, лежавшей возле опечья до высыхания. И с неизменным теплом, разливавшимся от нее по всему дому. Какая красота!

Отец любил говаривать про то, что и в ее, Олиной жизни, обязательно наступит период «обычной семейной теплоты». И этот период обязательно сменит бурные празднества в кругу малознакомых, нетрезвых и иной раз малоадекватных людей. Семейная теплота, совсем-совсем обычная, обязательно согреет ее всем своим теплом, подарит долгожданный уют и окутает потрясающей душевностью, которую в обычной жизни, считай, что и не найти. И вот же он, период этот, наступил-таки, зараза! Что это? Старость, мать её?!

Новый год. Разве это – не уютный домик вдаль от городской суеты, сизый дымок над трубой, заснеженные елки, наряженные бабushкой-морозом и матушкой-зимой, сугробы по пояс, резвящиеся на снегу дети, истекающий кремом «Наполеон», круг близких людей, которых хочется видеть, а не приходится терпеть? Ах, да! Настоящая русская печка! Ведь тепло же, тепло! Даже от этих слов тепло!

Нет, друзья! Это не старость! Просто душа озябла и просит теплоты.

А к вечеру первого числа совсем еще юного года Дашу вырвало. Просто так, ни с чего. Оля тут же бросилась хлопотать вокруг дочки, спрашивать, где болит, в рот почему-то заглядывать. Да ничего не болит! Просто так получилось. Как ни в чем не бывало, Дашенька продолжала веселиться. А Оля вскоре об этом забыла. До следующего раза.

До Рождества. Как раз в Сочельник Даше вновь стало плохо. На этот раз сильно плохо. Дашу выворачивало наизнанку аж до семи утра. Оля с мужем всю ночь не смыкали глаз. А после Даша уснула. Тихонечко уснула и проснулась ближе к полудню абсолютно здоровой. Ну, так же не бывает, чтобы рвота у ребенка открылась сама по себе, без какой-то болячки?!

Конечно же, Оля потащила дочку к дежурному педиатру в свою поликлинику. Участковый-то на рождественских каникулах.

Дежурный педиатр – на то и дежурный, чтобы в дежурном порядке «отфутболивать» в нужном направлении всех обращающихся. И чем быстрее, тем лучше. Рвота – отравление – инфекционка. И следующую неделю Оля с Дашей провели в карантине областной инфекционной больницы.

За время пребывания в унылом и на самом деле опасном месте никаких симптомов отравления у Даши не было. Здоровый ребенок – и все тут! И никто, никто из тех, кто столовался вместе с Дашей, на здоровье не сказывался. В выписке значился «ацетонемический синдром». Так бывает. Сладенького чего-нибудь, «Боржоми»... Дашу очень порадовал совет врача насчет Кока-колы. Ну наконец-то кто-то объяснил маме полезность этого вкуснейшего напитка темного цвета! «Не отравля, мама, а лекарство! Понятно?!».

А потом снова приступ. Ни с того, ни с сего. Среди ночи. Кратковременный, но очень сильный. Даша едва не потеряла сознание. Участковый педиатр посоветовала диету, экстренные меры в виде обильного питья в моменты обострения, может, даже глюкозой прокататься. Так бывает. Перерастет. Но для проформы выписала направления к гастроэнтерологу и эндокринологу.

Куда в первую очередь?

Областная гастроэнтерология. И две недели мучительных анализов с УЗИ, глотанием «кишки» и прочим, прочим, прочим. И что? Ребенок здоров! Да неужели?! А рвота у нее от чего?! Перерастет?!

Эндокринолог тоже не нашла ничего серьезного, что бы ее, как специалиста, смутило. Гинекологу покажитесь.... «Гинекологу?! Тетя, окстись, девочке девять лет всего!»

А делать-то что?!

А ничего! Диета, питье, режим. Перерастет. Потерпите.

И Оля терпела. Терпела, пока Дашка не потеряла сознания прямо на уроке физкультуры. Ну, тут уж, извините! Какой терпеть?!

Немедля взяв за горло участкового педиатра, Оля получила направление к неврологу. «Ну почему же ты, курица очкастая, раньше этого не сделала?! – возмущалась Ольга. – Пять месяцев – псу под хвост!».

Невролог внимательно выслушал жалобы, постучал молоточком, поколотил иголкой и дал направление на МРТ головного мозга.

Дашу очень позабавил аппарат МРТ. Сперва напугал. А потом, когда выяснилось, что ничего ей колоть не будут и глотать ничего не надо, Даша с удовольствием согласилась. Мишку, правда, своего пришлось оставить. Жаль, не увидел Потапыч этой чудо-машины.

Вот тогда-то в первый раз Оля и почувствовала неприятный скрежет по душе. Это отвратительное членистоногое скребло душу своими клешнями, то и дело норовя ущипнуть.

Улыбчивый врач, делавший исследование и дававший заключение, вышел с серьезным видом.

– Можно вас на секундочку? – подозвал он Ольгу и отвел в сторонку.

Оля сперва не поняла, в чем фокус.

– На снимке обнаружено новообразование в коре головного мозга, – вполголоса начал врач, – характер новообразования определить сложно, нужны дополнительные исследования.

– Новообразование?! – с ужасом спросила Ольга.

– Да, – спокойно ответил врач, – и я не могу вам окончательно сказать, что это. Бить в набат пока рано, но в самое ближайшее время нужно проконсультироваться с онкологом.

– Онко?! – Оля чувствовала, как от ужаса она теряет дар речи.

– Успокойтесь, – голосом, безо всякого намека на тревогу, продолжал врач, – не занимайтесь самообразованием и запишитесь на консультацию. Я вам дам телефон хорошего специалиста, – врач полез в карман за визиткой, – она принимает в поликлинике областной больницы. Сзвонитесь с ней.

Оля дрожащими руками положила визитку в сумочку, взяла материалы исследования и, прихватив за руку Дашу, на ватных ногах отправилась домой.

На следующий день, отстояв, на удивление, совершенно небольшую очередь, Оля с Дашей попали в кабинет к женщине располагающей внешности в белом халате.

– Можно? – Оля заглянула в кабинет, предварительно постучавшись.

– Конечно, конечно! Здравствуйте, проходите! – приветливая врач–онколог пригласила посетителей в кабинет.

– Мы к вам от..., – начала Ольга.

– Да, да, я знаю, – перебила врач, – давайте знакомиться, – произнесла она, глядя на стесняющуюся Дашу, – меня зовут Анастасия Владимировна! А вас, милая леди? – спросила она у Даши.

– Даша, – с улыбкой ответила рыжеволосая девочка.

– А меня – Ольга, – скромно встала Оля и тихонько добавила, – так, на всякий случай.

– Проходите, Ольга, присаживайтесь. Давайте ваши документы, – сказала врач и стала подробно расспрашивать о причине визита почему-то Дашу. Что, как, когда? К Оле у врача пока вопросов не было. В этой нетипичной ситуации Оля чувствовала себя подносчиком документов, а не матерью больной девочки. Но, со временем, дошла очередь и до Ольги.

Подробно расспросив Дашу и изучив принесенные документы, врач все-таки вспомнила о существовании мамы.

– Дашенька, присядь пока вон туда, – врач указала на стульчик возле шкафа с игрушками, – посмотри в шкафчик. Проиграй, пока мы с твоей мамой пошепчемся.

– Вы о взрослых разговорах пошепчетесь? – не смущаясь, спросила Дашенька.

– Да, о взрослых, тебе не будет интересно, – с улыбкой ответила врач и, отправив Дашу к игрушкам, обратилась к сидевшей на иголках Оле: – Ольга, судя по тому, что я вижу, ситуация у вас неприятная.

– Неприятная?! – Оля приготовилась падать в обморок.

– Да, – сняв улыбку с лица, продолжила врач, – я вижу новообразование...

– Опухоль?! – дрожащим голосом перебила врача Ольга.

– Новообразование! – утвердительно исправила врач. – Я не могу вам сказать, что это, насколько это серьезно и как с этим бороться. Нужны дополнительные исследования. Но одно я Вам могу точно сказать: вам в самое ближайшее время необходима госпитализация в онкологическое отделение нашей клиники. В самое ближайшее!

– Ох! – выдохнула Ольга. – Ложиться, да?

– Да. Я вам сейчас выпишу направление и заведу карточку. В самое ближайшее время, лучше завтра, не позже девяти со всеми бумагами и карточкой приходите в приемное отделение детской онкологии. Третий корпус, второе крыльцо.

Врач достала из стола бланк карточки и стала заполнять, не отрываясь от напутствий.

– С собой возьмете пижаму, сменную обувь, лучше резиновую, ложку, тарелку, чашку...

– Знаю, знаю, – перебила ее Ольга, – уже, к сожалению, лежали.

– У нас?

– У вас еще нет, – грустно выдыхая, ответила Ольга, – но, видимо, теперь уже «да».

Врач продолжала выписывать карточку, а Оля сидела, крепко вцепившись в колени, которые бешено тряслись от ударивших в голову новостей.

– Вот, – врач протянула карточку, – держите. И не медлите, пожалуйста! Вопрос не терпит отлагательств!

– Спасибо! – Оля положила карточку в сумку. – А вы не подскажите, к кому там, в отделении обращаться? Может, вы знаете хорошего специалиста... который... – Оля мямлила в попытках выбить протекцию.

– Ольга, – уверенным и даже несколько обиженным голосом стала отвечать врач, – все, кто работает в онкологическом отделении нашей больницы – специалисты наивысшего уровня. Онкология – это такая специальность, в которой случайных людей просто не может быть! Поверьте мне! Весь медперсонал отделения, вплоть до медсестер – специалисты высочайшего класса. И не важно, к кому вы попадете. Тем более, – Анастасия Владимировна улыбнулась, – при таком заведующем.

– Заведующем? – с непогасшей надеждой на протекцию, произнесла Оля.

– Да-ааа, – протянула врач, – Глеб Миронович – шикарный специалист, практикующий хирург-онколог с ученой степенью, автор массы статей...

– А можно с ним как-то...

– Оля! Вы мимо Глеба Мироновича не пройдете никак! Он однозначно будет заниматься вами, хоть скажу я ему о вас, хоть не скажу. Он всех ведет и за всеми присматривает. И протекцию, кстати, – для пущего акцента подняв палец кверху, выделила врач, – не особо празднует. Такой уж он человек. В его отделении даже мухи без его ведома не летают!

– Мухи?! В отделении мухи?! – встревожилась Ольга.

– Конечно! – с улыбкой ответила Анастасия Владимировна, глядя на Дашу, которая тут же отвлеклась от игрушек, едва разговор коснулся мух. – Самые обычные, медицинские мухи! И, прошу заметить, исключительно в белых халатах.

Немного разрядив обстановку, Анастасия Владимировна пожелала посетителям скорейшего выздоровления, отпихнула Олину руку, настойчиво совавшую ей купюру, и посоветовала держать хвост пистолетом. Оля тревожно попрощалась и, подхватив Дашу, отправилась на выход.

– А, мамаша! – уже в дверях окрикнула Олю врач. – Я вас очень прошу не сидеть этой ночью в интернете в попытках поставить дочке диагноз и подобрать план лечения! Доверьте это дело врачам. Лучше поспите. Ей Богу, полезней будет!

Оля улыбнулась, еще раз попрощалась и ушла.

Ушла, чтобы на следующий день, то есть сегодня, придя намного раньше девяти, сидеть и монотонно ждать в намертво застрявшей очереди.

Ну, наконец-то! Бабулечка с внуком, стоявшая в очереди перед Олей, покинула кабинет, и Оля, постучавшись, аккуратно заглянула в дверь.

– Можно?

– Минуточку! – тоном, не терпящим возражений, ответила сидевшая за столом возрастная женщина в белом халате, явно еще брежневской закалки.

Оля закрыла дверь и стала прислушиваться к тому, как эта суровая дама ругается с кем-то по телефону.

– Заходи-ите! – наконец Оля услышала заветный призыв и тихонько зашла в кабинет, волоча за собой сонную Дашку.

– Мне вас что, за ручку в кабинет приглашать?! – возмущалась докторша, которую за явно недружелюбный характер, ни врачом, ни доктором никак нельзя было назвать.

Прекрасно зная характер таких злюк, Оля не стала пускаться в спор. Быстрее бы пройти этого Цербера!

– Документы давайте! – глядя поверх очков, скомандовала докторша.

Оля протянула документы.

– Фамилия, имя, место проживания, полный возраст ребенка, с чем поступаете? – стала требовать злюка, имея, между прочим, все подробные данные прямо перед своим носом. В документах-то все указано.

Но Оля, измученная бессонной ночью и долгим ожиданием, покорно отвечала на заданные вопросы, даже не пытаясь возмутиться.

Где-то посередине опроса, больше походившего на допрос, в кабинет бесцеремонно вломилась другая «фея в белом халате» с папкой документов.

– Марына! И на шо ты мне это все дала?! – «фея» принялась возмущаться на Цербера-докторшу прямо с порога.

– Что там уже такое?! – не менее «добродушно» отреагировала на возмущение докторша.

– Вот куда мне это?! – «фея» звучно грохнула стопкой документов о стол докторши.

– А мне это нахрена?!

– А мне?!

Две «добродетели» еще немного подискутировали и потом куда-то умчались, оставив Олю с Дашей в одиночестве.

Не прошло и пятнадцати минут, как докторша, очередь к которой Оля ждала едва ли не полдня, примчалась в «приподнятом» настроении. Бормоча себе под нос что-то нечленораздельное, докторша с силой плюхнулась на стул и, глубоко вздохнув, как штангист перед подходом, зарылась в Дашиных бумагах.

– Рост, вес ребенка? – строго истребовала докторша.

– Рост, вес? – Оля слегка озадачилась. А действительно! Рост и вес?

– Мамаша! Вы что, не знаете, какой у вашего ребенка рост и вес?! – с укором спросила врачиха, она же докторша.

– Да... я... – замялась Оля.

– Господи! Что за мамыши пошли! Не мамыши, а кукушки какие-то! – докторша отчитывала «нерадивую мамашу». – Девочка, встань, – обратилась она к Даше, – ты знаешь свой рост и вес?

– Нет, – скромно пролепетала еще сонная Даша.

Продолжая отчитывать «потерянное поколение», докторша наметанным взглядом измерила и взвесила Дашу, не вставая со стула. Внеся «точные антропометрические данные», докторша стала рыться в столе в поисках чего-то. Казалось, это продлится целую вечность.

Наконец какой-то бланк был найден, заполнен и докторша, то ли улыбнувшись, то ли оскалившись, вручила Оле бумаги для поступления в отделение.

– Идите! По лестнице на четвертый этаж. Лифт только для больных!

«А я-то со здоровой сюда пришла!» – поёрничала в мыслях Оля, забрала документы и направилась с Дашей к выходу.

– Стойте, Солнцева! – окрикнула докторша. – Сдайте деньги в фонд больницы!

Глава 2. О спорт! Ты – жизнь!

В длинном коридоре, залитом нежно–молочным цветом, опершись о стеночку, стояли двое мужчин неприглядной внешности. Они с любопытством наблюдали очередной круг забега.

Увлекая за собой воздух, мимо них в очередной раз скорым шагом промчался высоченный и худой паренек, одетый в светло-салатовый костюм. Почти белые, кучерявые волосы, торчавшие в разные стороны из довольно-таки небольшой головы, придавали некую комичность внешности паренька. Худой, длинный, зеленый и несколько несуразный паренек своим видом очень напоминал одуванчик. Одуванчик, который почему-то очень быстро ходит взад и вперед.

А за ним, уже совершенно не поспевая и судорожно глотая воздух, мчалась маленькая, удивительно красивая девушка в цветастом платьице. Девушка была столь красива, что даже в таком, совершенно непрезентабельном виде, будучи взмокшей до нитки и изможденной до крайности, она вызывала восхищение. Маленькая, аккуратненькая, от макушки до пяток невероятно гармонично сложенная, красивая до чертиков девушка очень походила на феечку из какого-нибудь мультика.

– Как думаешь, сколько кругов еще протянет? – злобно сверкнув глубоко посаженными глазами, спросил один из стоявших у другого. Болезненно худой, одетый в отвратительное пальто несуразно большого размера, с длинными и кривыми костлявыми пальцами, вопрошавший напоминал египетскую мумию, высушенную беспощадными ветрами пустынь. Голос у него был мерзкий, с пугающим скрежетом и какими-то безжизненными нотками. Словно бы высушен он был весь, изнутри и снаружи. Весь сухой.

– Круга два еще продержится, – предположил второй мужчина «добротной» комплекции, тоже особо не вызывавший симпатии. Одетый в непонятно, какого цвета плащ, какого фасона брюки и с какого бомжа снятые туфли, мужчина стоял, постоянно почесывая грязно-рыжую шевелюру. Откровенно неприятный тип, на котором даже слепому глазу не хотелось задерживаться. Гадкий и рыжий.

– Не обижай нашу бабочку, – возразил Сухой Рыжему, – её еще кругов на пять хватит.

– На втором круге скиснет, – настаивал на своем Рыжий.

– Ставишь? – завлекающе спросил у Рыжего Сухой.

– Лови! – Рыжий подбросил монетку, которую Сухой ловко изловил еще на взлете.

Поравнявшись со стоящими у стены, Феечка без сил рухнула на колени.

– Я... бо... больше... не... не мо... гу! – задыхаясь, прохрипела она.

– Муха! Ты же меня подставляешь! – тут же сказал ей Рыжий. – Давай, милая! Еще два круга осталось!

Но Феечка безнадежно замотала головой, пытаясь отдышаться.

– Продул, – с улыбкой, похожей на оскал, довольно произнес Сухой.

– Ты тоже, – не смутился Рыжий, – гони-ка деньгу взад!

– А не сыгравшая ставка отправляется в банк казино! – голосом заправского крупье объявил Сухой, отправляя монетку Рыжего себе в карман.

– Отдай, жлоб!

– Спокойно! – Сухой с улыбкой-оскалом подал Рыжему рукой знак успокоиться, – ставка удваивается. Ты же не думаешь, что это – последний забег?

– А ты думаешь, она еще хоть сколько-нибудь протянет? – скептически заявил Рыжий, снисходительно глядя на абсолютно обессиленное, хоть все еще и красивое существо, некогда напоминавшее Феечку.

– Еще как! – Сухой многозначительно выпятил нижнюю губу. – Она крепка, как скала!

– Шагу не сделает! – категорично заявил Рыжий.

- Ставишь? – Сухой призывно поиграл густыми взлохмаченными бровями. Рыжий неспешно порылся в кармане и извлек оттуда еще одну монетку.
- На, крохобор! – бросил он монетку Сухому.
- Сухой с довольной физиономией изловил новую ставку и, что было силы, крикнул удалившемуся, Бог знает куда Одуванчику:
- Пуши-иистый! Ты хвост потерял!
- Одуванчик тут же отвлекся от лекции не понятно кому, всплеснул руками и скорым шагом направился в сторону умирающей Феечки.
- Милая моя! – прискакав к тяжело дышащему тельцу, начал он обиженным голосом. – Для кого я все объясняю?! Я тут хожу, распинаясь, опыт тебе передаю...
- Бесценный! – уточнил Сухой, перебив Одуванчика.
- Бесценный опыт! – Одуванчик остался доволен уточнением. – Тебе же скоро самостоятельная работа предстоит! Понимаешь: са-мо-сто-я-тель-на-я! А ты тут разлеглась!
- Я... сей... сейчас немножко... под... подышу, – судорожно глотая воздух, из последних сил оправдывалась Феечка, – и мы про... про... должим.
- Ну, давай уже, дыши быстрее, – подгонял ее Одуванчик, – у меня дел по горло!
- Я... да... во... дички... мне бы! – взмолилась Феечка, пытаясь хоть как-то потянуть время.
- Мадмуазель желает содовую? – услужливо спросил у Феечки Сухой.
- Все... все...
- Равно, – закончил за нее Сухой и скомандовал Рыжему: – Гарсон! Стакан воды!
- Рыжий лениво щелкнул пальцами и в руках у Сухого тут же образовался стакан холодной воды.
- Силь ву пле, мадмуазель! – Сухой нагнулся и буквально вставил стакан с водой в трясущуюся от изнеможения руку Феечки.
- Как ты это делаешь?! – обратился к Рыжему подошедший паренек среднего роста с красивыми, светлыми и длинными волосами. Одет он был в элегантный, светлый костюм, обут в шикарные светлые туфли и надушен явно чем-то очень-очень приятным. Весь из себя такой светлый, что по виду, что по содержанию.
- А ты ко мне на работу переводись – я тебе и расскажу! – подмигнув Сухому, Рыжий ответил Светлому.
- Нет, уж лучше Вы к нам! – поморщившись, отказался от лестного предложения Светлый и, присев к Феечке, спросил: – Ты как, малышка?
- Все еще с вами, – уже более-менее окрепшим голосом ответила Феечка.
- Слышь, пушистый, – продлевая Феечкин передых, обратился к Одуванчику Рыжий, – а чего ты носишься взад-вперед, как лось?
- Кстати, да, Юсейн Болт? – присоединился к вопросу Светлый.
- Ребята, – несколько виновато стал отвечать Одуванчик, – ну вы же знаете, я не могу думать, стоя на одном месте. Как только начинаю думать – так сразу ноги куда-то несут! Я даже когда с людьми работаю, ногами тихонечко перебираю. Хоть бы не заметили, – стыдливо добавил он.
- Слушай! – тут же выпалил Рыжий. – А давай мы тебя на двоеборье выставим. Бег с шахматами. Ты же там всех порвешь!
- А давай он продолжит сеять разумное, доброе, вечное, – тут же запротестовал Сухой, – тем более, что подопечная уже оклемалась, – указал он на Феечку.
- Феечка, узрев реальную перспективу быть «зашаганной» до смерти, прилипла к уже пустому стакану и принялась усиленно делать вид, что пьет.
- Ну что, продолжим? – воодушевленно спросил у Феечки Одуванчик, не переставая топтаться на месте, чтобы не сбивать темп.

– Овну бидутаську, – пробубнила сквозь стакан Феечка.

Хитро улыбаясь, Рыжий взял под руку Одуванчика и отвел его в сторонку.

– Шагать тебе надо, говоришь? – тихонечко спросил он.

– Ну... да, – несколько неуверенно ответил Одуванчик.

Рыжий элегантно щелкнул пальцами и в коридоре тут же образовался шикарный тренажер «Беговая дорожка».

– Ах, какой ты молодец! – воскликнул Одуванчик, любуясь подарком.

– Ах, какая ты с... – прошипел Сухой, поняв задумку Рыжего. Теперь уж точно Феечка и шагу не сделает!

Феечка оторвалась от стакана и посмотрела на Рыжего влюблено-благодарными глазами. Вот он: спаситель! И он пришел!

– Тебе какую скорость выставить, спортсмен? – спросил у Одуванчика Рыжий, включая тренажер.

– Лупани ему на максимум! – посоветовал раздосадованный Сухой.

– Нет! Вы что?! Мне нужно приноровиться! – испуганно заявил Одуванчик, аккуратно поглаживая блестящие полированные грани своего нового коня.

– Пять кэмэ хватит? – спросил Рыжий, выставляя скорость.

– Давай начнем с этого.

Одуванчик вскочил на беговую дорожку и весело зашагал. А Феечка, отвесив реверанс Рыжему, уселась рядышком с тренажером и приготовилась внимать.

Подарок зашел сразу. Только со скоростью Рыжий немного не угадал. Стоило только Одуванчику сказать первую фразу, как он тут же начал обгонять ленту беговой дорожки, врезаюсь в поручень спереди.

– А можно чуть быстрее? – спросил он у Рыжего.

Рыжий без труда наклацал 8 км/час. Дело пошло.

– Этот Пегас так до вечера скакать будет, – предположил Сухой.

– Через час сдохнет, – ту же оспорил Рыжий.

– Ставишь?

– Весь свой выигрыш, – уверенно заявил Рыжий.

– Не катит! Ты мухлевал! – выдвинул протест Сухой.

– Чё, сдулся?

– Я?! – Сухой аж подпрыгнул от такого заявления. – Банк – на кон! – Сухой хлопнул по карману, который отозвался мелодичным звоном монет. – Ставка принята! Игра началась, господа! – торжественно заявил он, всем своим видом давая понять оппоненту, что уж в этот раз он обязательно победит.

– Мальчики! За работу! – крикнула стихийному собранию строгая женщина, сидевшая за большой стойкой в коридоре. От женщины исходила аура строгости и начальственности. Волосы, аккуратно завязанные в «гульку», строгое деловое платье нейтрального цвета... даже маникюр строгий, чтобы не бросался в глаза, но тем не менее вызывал уважение. Мимика женщины была столь же выдержанна, сколь и ее облачение. Подчеркнуто-уважительная строгость, присущая, пожалуй, только людям строгих нравов. В каждом сказанном ею слове, в каждой букве сквозила какая-то начальственность, манера держать себя недостижимо высоко и решимость не принимать никаких возражений. Всё, решительно всё в этой женщине говорило о её начальственном положении и о её непререкаемом авторитете в этом обществе. Начальница наивысшего пошиба!

Все без спора тут же отправились по своим делам.

Рыжий, всякий раз проходя мимо беговой дорожки, незаметно для всех добавлял скорость. И до 15 км/ч Одуванчик мужественно справлялся технически безупречной спортивной ходьбой. Увы, всему есть предел. Дальнейшее ускорение ленты вынудило Одуванчика перейти

на бег, чему он поначалу даже был рад. Однако когда отметка скорости достигла отметки 20 км/ч, даже этот породистый рысак слегка занервничал. Одуванчик еще никогда не бегал так резво. И «дыхалка» Пегаса с каждой минутой стала предательски сдавать, что весьма радовало то и дело проходившего мимо Рыжего.

Не прошло и часа, как на скорости 25 км/ч взмокший и запыхавшийся Одуванчик соскочил с тренажера со словами: «Пожалуй, все!».

– О спорт! Ты – жизнь! – радостно провозгласил улыбающийся Рыжий, подходя к Сухому с развернутой кверху ладонью. Сухой бубнил что-то нечленораздельное себе под нос, хмурился и ожесточенно звенел мелочью в кармане.

– Ну, давай уже, казино! – поторапливал Сухого Рыжий.

– На, крохобор! – буркнул Сухой и насыпал Рыжему полную ладонь мелочи. – Можешь пересчитать.

– Я тебе верю, мой невезучий друг! – ласково сказал Рыжий, ссыпал добычу в карман плаща и с силой треснул по нему. Карман отозвался чарующим перезвоном монет, от которого Сухого тут же передернуло и перекривило, как черта от колокольного звона.

– Не грусти, изящный! – Рыжий дружески похлопал Сухого по плечу. – Пойдем лучше поможем нашей лялечке с выбором.

И два непрезентабельных гражданина отправились к большой стойке в коридоре, возле которой уже мялись Светлый с Одуванчиком и подпрыгивала от радости Феечка.

– Настоящая работа! Настоящий подопечный! – радовалась Феечка, прошедшая теоретическую подготовку и допущенная Одуванчиком к своему первому самостоятельному делу.

– Прошу выдать нам на выбор свободные от опеки дела! – торжественно заявил Одуванчик Начальнице, сидевшей за стойкой.

– Бесперспективных, – прикрыв рот ладонью, тихонько добавил Сухой.

Начальница, которая все время была чем-то занята, на мгновение оторвалась от работы, живо нырнула под стол и вывалила на стойку целую стопку папок в разнообразных переплетах. Все тут же принялись выбирать, наперебой советуя Феечке, кого стоит брать для первого опыта.

– Бери бабку, – настойчиво советовал Сухой, потрясая увесистой папкой в сером переплете, – она скоро ласты склеит, работы с ней не много.

– Бабку? – с недоверием спросила Феечка.

– Ну конечно! – без тени сомнения подтвердил выбор Сухой. – С ней хлопот не будет! Не успеешь вспотеть, как она к нам отправится. Со дня на день.

– У-ууу, – недовольно замычала Феечка.

– Да чего ты кривишься?! Классный вариант! – не унимался Сухой. – Она в молодости танцовщицей была. Ты посидишь, а она тебе расскажет, как она с отставным полковником в Париже танго плясала. Тебе только слушать и придется. Никаких забот! А если чего, мы ее живо прикончим и косячки всякие подотрем.

– Скучно, – недовольно протянула Феечка.

– Безопасно! – возразил Сухой.

– А вот, как по мне, классный вариант, – вмешался Светлый, презентуя Феечке папку в светло-синем переплете, – монтажник-высотник, молодой красавец, не пьет, не женат...

– Ты ее сватаешь или работу ей ищешь? – вмешался в разговор Рыжий, покуривая отвратительную на запах сигарету.

– Ну ладно, – обиженно заявил Светлый, отправляя папку на место, – не хотите – как хотите, я не настаиваю.

– А может, мальчика? – Одуванчик теребил в руках белую папку.

– Полного? С мамой-одиночкой? Из кардиологии? – тут же стал расспрашивать Светлый.

– Да, – подозрительно ответил Одуванчик, – а что?

– Положи на место, – не громко, но настойчиво посоветовал Светлый.

– Ты метил?

Светлый кивнул и улыбнулся в извинение.

– А может, этот? – Феечка схватила папку в черном переплете.

– Фу, фу, фу! – тут же отозвался из-за спины куривший Рыжий, который самоустранился от мук выбора, став «заспанным» голосом разума.

– Твоё? – с осторожностью спросила Феечка.

Рыжий показал пальцем на Сухого, который был занят чтением бабкиных мемуаров.

– Ой! – вскрикнула Феечка, быстро положила папку на стойку и брезгливо обтерла руки друг об дружку.

– А может... – начал Светлый.

– А может, почтенные педагоги дадут возможность студентке самой билет вытащить? – перебил его Рыжий.

– Ну-уу, пусть тянет, – согласился Светлый.

– Да, да, пусть сама решит, – подхватил Одуванчик.

– Её геморрой, пусть сама выбирает, – как всегда, полным оптимизма голосом, высказался Сухой.

Феечка стала возле папок, закрыла глаза, протянула к делам руки и доверилась его величеству Случаю. Как студент, который либо знает все, либо не знает ничего, Феечка в своем выборе целиком и полностью отдалась интуиции. Все присутствовавшие замерли. Такой момент!

Феечка в мыслях хотела представить себе свой выбор, хотела угадать цвет папки, хотела... да много чего хотела. Но она даже не успела прокрутить первую мысль, как смачно, совершенно неожиданно, во все легкие, едва не порвав голосовые связки, громко чихнула.

– Апчи!

Необычайно могучий чих, налетевший так внезапно, едва не сбил с ног красивую, но чрезвычайно хрупкую девушку. Чтобы не упасть, Феечка совершенно не глядя, схватилась одной рукой за стойку, уронив руку на что-то мягкое. Открыв глаза и наведя резкость, Феечка увидела под рукой небольшую папочку в нежно-рыжем переплете с маленькой бабочкой на обложке.

Дрожащей от волнения рукой Феечка раскрыла эту небольшую папочку. Разноцветные пылинки-блестки, покоившиеся меж страниц, взмыли в воздух, явив взору собравшихся совершенно потрясающую картину.

– Боже, какая прелесть! – всплеснула руками Феечка.

– А что? А ничего! – одобрил Светлый.

– Вариант, – с долей предосторожности сказал Одуванчик.

– Беда! – как всегда, с оптимизмом высказался Сухой.

С живой, на редкость реалистичной картинкой, повисшей в воздухе, приветливо улыбалась озорная рыжая девочка с косичками. Просто девочка, просто с косичками, с конопушками, вздернутым носиком и совершенно очаровательной улыбкой. Еще одно маленькое дитя большого солнца.

– Какая прелесть! – Феечка от умиления звонко уронила на пол маленькую слезинку-кристаллик. – Она моя! Я ее никому не отдам!

– Положь каку на место! – скомандовал Сухой. – Пока не поздно!

– Не отдам! – Феечка злобно огрызнулась на Сухого и вцепилась мертвой хваткой в папку.

Рыжий, равнодушно куривший до этого за спинами собравшихся, выдул большое облако дыма в появившуюся девочку. Девочка в момент исчезла, а пылинки-блестки покорно опустились, спрятавшись между страницами.

– Бери, – голосом человека, переполненного жизненным опытом, Рыжий утвердил Феечкин выбор.

После слов Рыжего Феечка быстро захлопнула папку и крепко прижала к себе.

– Моё, не отдам!

– Зря, – иронично сказал Сухой, – я бы выбрал бабку.

– Выбор сделан! – подытожила Начальница, вполглаза наблюдавшая за событиями. – А теперь все за работу!

Все, пусть и нехотя, разбрелись по своим делам.

– Слышь, что скажу, – Сухой догнал Рыжего в коридоре, – не к добру она эту девку выбрала.

– С чего ты взял?

– Нутро мое подсказывает, – утробным голосом сказал Сухой.

– Ой, насмешил! – Рыжий с улыбкой махнул рукой. – Твоя требуха вечно какую-то ахи-нею несет!

– Зря ты так, – безо всяких шуток продолжал Сухой, – мое нутро меня никогда не подводило. Зацепит! Всех зацепит! Вот увидишь!

– Вот, как зацепит – так и увидим, – Рыжий лениво бросил сигарету на пол, – а как увидим – так и отцепим. Пусть все идет своим чередом. Подождем.

– Подождем, – с нотками ужаса в голосе повторил за Рыжим Сухой, – только не все дождутся.

– Ставки принимаешь? – ехидно ухмыляясь, подмигнул Сухому Рыжий.

– Да пошел ты... к себе в подвал! – психанул Сухой и помчался куда-то вдаль по коридору. А Рыжий неспешно пошел по своим делам. Как и все остальные, оставив Феечку в одиночестве изучать дело. Свое, первое, самостоятельное дело! Пока еще оставалось время до сна.

Глава 3. Параллельная Вселенная

Поднимаясь по серой, безликой больничной лестнице с тяжелой сумкой наперевес, Ольга вертела в голове кучу вопросов. Внезапно налетевшие и свалившиеся в голове хаотичной кучей, вопросы принялись тиранить Ольгу почему-то именно сейчас. Вопрос палаты, обследований, лекарств, персонала... Своя работа лезла, отпихивая в сторону больничные раздумья. Как все это будет? Как организовать? И ведь самое главное, то, что в голове вертелось до этого: страх перед неизвестностью, осталось где-то позади. Где-то под гнетом этой мишуры.

Дверь в отделение не сулила никаких сюрпризов. Самая обычная белая дверь с уже набившей оскомину приклеенной бумажкой: «Вход в отделение в верхней одежде и без сменной обуви СТРОГО ЗАПРЕЩЕН!».

Распахнув самую обычную дверь, Ольга ахнула от удивления. Вместо привычного взору обшарпанного коридора, ведущего к уставшему еще в прошлом столетии сестринскому пункту, она увидела красоту. Огромный холл, густо залитый солнечным светом сквозь большие окна, просторный диван для ожидания с журнальным столиком, детский уголок с двумя столиками, на которых лежали карандаши и разрисовки. Еще шкафчик с незатейливыми игрушками и даже ковер из пазлов. Нельзя сказать, что все это было роскошным и напоминало обстановку лакшери отелей. Но нельзя было не отметить, что «лицо» отделения было аккуратным, качественным, сделанным с заботой о посетителях. «Лицо» отделения детской онкологии разительно отличалось от «классического» вида «физиономии» приемного покоя.

Слева, напротив зоны ожидания и игровой зоны, располагалась стойка, за которой сидела молодая и улыбчивая медсестричка в белоснежном отглаженном халате.

Оля с Дашей переобулись в резиновые тапочки на лавочке, которая была установлена прямо возле входной двери, и пошли «укладываться».

– Здравствуйте! – с улыбкой поздоровалась милая медсестричка.

– Добрый день! – с улыбкой хором ответили Оля с Дашей. Этой белохалатной улыбающейся милости просто невозможно было не улыбнуться в ответ. В голове у Ольги подселилась еще одна мысль: как они с Дашкой оказались в параллельной Вселенной и что им за это будет?

Оля стала решать вопрос поступления, а Даша, чтобы не отвлекать маму, решила глянуть на игровую часть холла. Но не успела она и пары шагов сделать, к ней подошла какая-то пожилая женщина в белом халате. Кивком поздоровавшись с Ольгой, женщина теплым, «бабушкиным» голосом завела беседу с Дашей.

– А что это за лисичка к нам пожаловала? – с улыбкой спросила женщина Дашу.

– Я – не лисичка, я – белочка! – вполне серьезно ответила Даша, кивком головы акцентировав внимание на слове «белочка».

– Ишь ты! – всплеснула руками женщина. – А я-то сослепу и не заметила! Уж больно хвостик твой, – женщина указала на рыженькие волосы Даши, завязанные в хвостик, – на лисичкин похож!

– Это потому, – не снимая маску серьезности, вела беседу Даша, – что мама не успела мне косички заплести. А так бы получились кисточки на ушках.

– Ну-ууу, – протянула женщина, – эта беда – и не беда вовсе. Хочешь, я тебя заплету? Я могу.

– А точно можете? – с долей недоверия, но с еще большей долей любопытства спросила Даша. Мама всегда говорила, что чужим людям доверять нельзя. Но уж больно женщина эта теплой была. Как бабушка.

– А то! Я ж, внучка, тоже когда-то девочкой была. Резиночки-то есть?

– Ма-ам! – Даша стала теребить Олю, отрывая от беседы с медсестрой. – Мам, а у нас есть резиночки?

– Сейчас, Даша, подожди, – отмахнулась Ольга.

– А ну, погодь, – вмешалась пожилая женщина в белом халате, – вроде у меня имеются.

Пожилая женщина порылась в карманах белого халата и извлекла оттуда две миленькие, мохнатенькие розовые резиночки.

– Идем-ка, милая, – женщина сказала Даше и, взяв ее за ручку, повела к дивану.

– Даш! – окликнула дочку Оля.

– Ты не волнуйся, дочка, – тут же сказала Ольге пожилая женщина в белом халате, – оформляйся. Мы туточки будем, рядышком.

– Тебя как звать-то? – по пути спросила у Даши женщина.

– Даша, – улыбнулась рыжая белочка, – а вас как?

– Баба Дуся, – простецки ответила женщина.

– Ну, это же не солидно! – Даша, словно учительница в классе, сделала назидательное выражение лица.

– Евдокия Гавриловна, – с улыбкой исправила несолидное положение женщина и тут же добавила: – но, коль хошь, зови меня баба Дуся. Меня все тут так кличут. Не в обиду-то, проще так.

И обе, Даша и Евдокия Гавриловна, отправились на диван заплетаться. А то ведь несолидно белочке без кисточек на ушках ходить.

Как только разговор у Ольги подошел к вопросу о палате, медсестричка тут же извинилась и убежала за старшей медсестрой. Видимо, только старшая медсестра решала такие вопросы.

Буквально через пару минут медсестричка вернулась к стойке в сопровождении худощавой черноволосой женщины чуть старше средних лет.

– Здравствуйте! – приветливо поздоровалась старшая медсестра и, прихватив Дашины документы, тут же увела Ольгу к себе в кабинет для беседы.

«Сейчас как объявит мне!» – с нешуточной опаской думала дорогой Ольга, опасаясь, что эта приватная беседа грозит вылиться в весьма солидный счет. Просто так в кабинет не уведут.

– Оля, – раззнакомившись дорогой, обратилась в кабинете к Ольге старшая медсестра, Вера Ивановна, – судя по документам, лежать Вам у нас долго.

– Все-таки лежать? – с грустью в голосе спросила Оля, еще таившая надежду на дневной стационар.

– Да, Оля, – медсестра присела за стол, положив перед собой Дашины документы, – я конечно – не врач, но даже, как не врач, я вам скажу, что дело у вас серьезное. Предстоят обследования, потом операция, может лучевая терапия или химия. Доктор скажет, что будет. Но вот амбулаторного лечения я вам точно не обещаю. Да и, – Вера Ивановна показала взглядом в сторону, – заведующий не приветствует «залетных». Если уж пришел лечиться – лечись, а не бегай туда-сюда.

– Понятно, – Оля глубоко вздохнула, – а двухместные палаты у вас есть? Мне бы так, чтобы я с Дашкой лежала.

– Вы хотите вместе с девочкой? – спросила старшая медсестра.

– Да, если можно.

– Вообще-то нельзя, – уклончиво начала Вера Ивановна, – у нас только детки до пяти лет лежат с мамашами. И то, в другом крыле. А тут только «взрослячки», – Вера Ивановна внимательно посмотрела на Ольгу и продолжила: – Я посмотрю сейчас, что у нас свободно, если свободно...

Вера Ивановна принялась листать тетрадку, то ли в поисках палаты, то ли прейскуранта на гостиничные услуги. Во всяком случае, так подумалось Ольге.

– Так, есть вторая палата и она свободна. Две кровати, кондиционер, холодильник, телевизор, свой санузел... – начала перечислять старшая медсестра.

– Отлично, берем! – тут же прервала ее Ольга. – Сколько денег?

Вера Ивановна оторвала кусочек бумаги и написала на нем цифру. «По-божески», – подумала Ольга, глядя на прайс.

– Это за одну кровать, – пояснила старшая медсестра, – а их там две.

«Все еще по-божески», – продолжала думать Ольга, не понаслышке уже знакомая с «божескими» расценками больниц.

– Оленька, если не сложно, – Вера Ивановна сделала просящее выражение лица, – вы бы не могли оплатить немного наперед. Понимаете, мне нужно составить план...

– Да, да, конечно! – тут же согласилась Ольга и полезла в сумочку за кошельком. – Оплачу за обе койки.

– А вот за обе не надо! – Вера Ивановна подняла указательный палец кверху. – За девочку можете хоть на месяц вперед оплатить. Я так думаю, меньшим сроком вы не отстреляетесь. А за себя, Оля, только по факту.

Оля сделала такое выражение лица, которое лучше всяких слов выразило непонимание.

– Оля, я же вам говорила, – стала пояснять старшая медсестра, – мы мамашек со взрослыми детьми не укладываем. И место я могу вам предоставить ровно до того момента, пока оно не понадобится какому-то ребенку. А тогда уж извините. И это при условии, – Вера Ивановна вновь подняла палец кверху, – если заведующий против не будет. Понятно?

– Жаль, – Оля стала отсчитывать из кошелька причитающуюся отделению сумму. – А когда освободится?

– Что освободится? – не поняла Вера Ивановна.

– Ну, кровать. Ребенка выпишут, например. Или куда-то переведут. Можно будет потом ее занять?

– Если не будет против наш зав.

– Понятно. А он у вас такой, да? – Оля сжала кулак и стиснула зубы, говоря уже о заведующем.

– Не-еет, что вы! – Вера Ивановна усмехнулась, – он у нас добрый, хороший. И специалист, каких на всю страну и десятка не наберется. Но в отделении любит порядок. Если бы не он, – Вера Ивановна пристально посмотрела на Олю, – и отделения нашего бы не было.

– Ясно. А он у себя?

– В отпуске. С понедельника будет.

Еще немного поговорив о деталях и получив ключи от палаты, Оля отправилась за Дашей.

– Мам! Смотри, какая я белочка! – радостно воскликнула дочка, хвастаясь мудрено заплетенными косичками.

– Слушай, какая красота! – Оля действительно восхитилась работой Евдокии Гавриловны.

– Да чего там, – скромно возразила Евдокия Гавриловна, неспешно следуя за рыженькой девочкой-белочкой с прекрасными косичками, – то – не работа, в удовольствие только.

– Спасибо вам, кудесница! – Оля поблагодарила пожилую женщину в белом халате. – Будьте добры, скажите, как звать вас, добрая медсестра-волшебница?

– Мама, – тут же вмешалась Даша, не дав ответить магической заплетательнице косичек, – это – бабушка Дуся!

– Евдокия Гавриловна я, дочка, – с улыбкой представилась Оле пожилая медсестра и погладила Дашу по головке, – я туточка работаю. Медсестрой. Так что свидимся еще, – улыбнулась она Даше.

– Спасибо вам, Евдокия Гавриловна, – улынулась Ольга и, попытавшись поймать за руку неистово крутящуюся дочку, скомандовала ей: – За мной!

Даша вприпрыжку и вприкрутку пошла за мамой к палате. Даша, которой косички, по-видимому, форсировали моторчик в попе, всю дорогу крутилась и прыгала, треща без умолку.

– Мама! А бабушка Дуся мне еще сказку рассказала. Представляешь, про белочку!

– Угу, – не пускаясь в разговоры, «угукнула» Оля, таща на плече приличного веса сумку.

– А ты знаешь, мама, – все не умолкала Даша, – а ее все дети любят! К нам сразу же подбежали мальчики и девочки! Они тоже сказку слушали.

Даша продолжала быстро болтать, иной раз проглатывая от скорости буквы, аж пока Ольга не распахнула двери палаты.

«И все-таки мы попали в параллельную Вселенную».

Не очень просторная, но светлая и чистая палата, со всеми достоинствами, перечисленными Верой Ивановной, предстала взору поселяющихся. Небольшой холодильник, который жужжал и, что удивительно, действительно охлаждал. Санузел со своим душем, умывальником и унитазом. Кондейка в углу. На стене висел телевизор, не очень большой, но на вид вполне приличный. Меблировка палаты была скромной, но добротной. Две кровати с регулируемой спинкой и ортопедическим матрасом, добротный шкафчик, прикроватные тумбочки, стол с тремя стульями и вазой. Вроде и не много, но большего-то и не надо!

Оля бросила на пол сумку и уселась на кровать, расплывшись в благоговейной улыбке. «Слава Богу, не панцирная!». В такой палате можно вполне-таки хорошо лежать.

Не успели Оля с Дашей разложить вещи, как в дверь кто-то постучал.

– Да, да! – отозвалась Ольга, быстро запихивая в шкаф одежду.

В палату вошел молодой врач в сопровождении старшей медсестры.

– Здравствуйте! – громко сказал врач. – Давайте знакомиться. Меня зовут Сергей Сергеевич. Я – ваш лечащий врач.

– Оля, – скромно сказала Ольга, быстренько забрасывая в шкаф кулек с нижним бельем.

– А я, – важно заявила Даша, выйдя в центр палаты, – Дарья Юрьевна!

– Очень приятно! – учтиво ответил Сергей Сергеевич, не в силах сдерживать улыбку. – Значит это вас, Дарья Юрьевна, я буду лечить?

– Да, – пискляво, но крайне серьезно ответила Даша, выражению лица которой позавидовал бы даже пресс-секретарь президента. – Скажите, пожалуйста, – продолжала серьезным тоном очаровательная рыженькая девочка с мудреными косичками, – а вы не слишком молоды для того, чтобы быть лечащим врачом?

Все присутствовавшие тут же опешили. Такого вопроса точно никто не ожидал.

– Понимаете ли, Дарья Юрьевна, – наконец найдя слова, стал отвечать улыбающийся врач, – врачебный опыт определяется не возрастом специалиста, а умением такового. А у меня, уж поверьте, опыта в лечении важных персон с рыжими косичками хватает.

– Хорошо, – согласилась Даша, – тогда я полностью отдаю свое здоровье в ваши молодые, но умелые руки.

– Спасибо Вам, Дарья Юрьевна, – Сергей Сергеевич решил завершить диалог очень емкой фразой: – Вы просто обречены на здоровье!

Даша в знак благодарности сделала деми-плие и пошла раскладывать книжки, а Ольга, все еще пребывая в легком шоке от дочкиной смелости, стала спрашивать врача обо всех нюансах лечения.

Но чего-то конкретного Сергей Сергеевич Ольге не сообщил. Он подробно расспросил про Дашу, про симптомы заболевания, узнал о кое-каких особенностях девочки и пообещал в ближайшее время дать план обследований.

– Давайте изучим все со всех сторон, а потом будем делать соответствующие выводы, – попытокнул медицинскую беседу с Ольгой Сергей Сергеевич. – А вы сейчас, пожалуйста, обсудите с Верой Ивановной вопрос медикаментов.

– А..., – начала Ольга, но Вера Ивановна ее перебила.

– Наше отделение сотрудничает с оптовым складом медикаментов. Мы у них заказываем все лекарства для пациентов. Ну, – поправилась Вера Ивановна, – для тех, которые согласны работать по такой программе. Цены у них ниже, чем в аптеке и ассортимент очень широкий. Да и беготни пациентам меньше. Они всё сами доставляют прямо в отделение. Как вы, Оля? Сами покупать будете или...?

– Господи! – Оля всплеснула руками, – конечно заказывать! Имейте меня в виду в первую очередь! – чуть ли не крикнула Оля, вспоминая, как она носилась по городу за каким-то редкостным лекарством, которое, как оказалось, уже год нигде не продается.

– Хорошо, – сказала Вера Ивановна, что-то черкнув в тетрадке. – А по поводу еды Вам сейчас надо подойти в столовую на первом этаже и согласовать меню с заведующей. Спросите Ольгу Алексеевну. Ваша тетка, кстати.

– А что, – все еще не придя в себя от обилия хороших новостей в месте, таковыми новостями обычно не изобилующем, спросила Ольга, – есть выбор?

– Ну, не абы какой, но есть. Заодно и пообедаете, отведаете стряпню наших кормильцев, так сказать. Там, может быть, за что-то надо будет доплатить...

– Ой, да разберемся, Вера Ивановна!

Сергей Сергеевич с Верой Ивановной пожелали постояльцам второй палаты здоровья и отправились на выход, а Ольга, на радостях забывшая расспросить про обследования, хлопнула себя по лбу и бросилась вдогонку.

– Подождите, подождите! – Ольга уже в коридоре догнала врача с медсестрой. – А где записываться, вы мне расскажите?

– В смысле записываться? – Сергей Сергеевич в очередной раз опешил от этой семейки Солнцевых.

– Ну, на исследования, – сказала Оля, словно речь шла о зубах, которые чистят каждый день.

– Вас запишут, Оля, не переживайте, – поняв суть вопроса, с улыбкой ответил врач.

– В смысле?! – на этот раз настала Олина очередь растеряться.

– В прямом! – Сергей Сергеевич подошел к Ольге и с улыбкой продолжил: – Оля, вас запишут медсестрички на свободное время. Вы же, лежа тут, не сильно будете заняты?

Оля помотала головой из стороны в сторону.

– А дочка ваша днем спит?

– Нет.

– Вот! Девочки запишут вас на время, удобное для специалиста. А вам лишь останется подойти ко времени в назначенный кабинет. Куда – девочки вам скажут. Сможете?

– Угу! – у Оли просто не было слов, чтобы выразить восхищение организацией работы отделения.

– Вот и хорошо! – Сергей Сергеевич развернулся и продолжил обход.

А Оля, все еще пребывая в некой эйфории от «путешествия в чужую Вселенную», отправилась в палату.

– Даша! Что это было?! – сдерживая улыбку, спросила Оля дочку про откровенно смелый разговор с врачом.

– Спокойно, мама! – Даша повелительно подняла правую руку вверх. – Я обратила на себя внимание. А это значит, что теперь у врача будет ко мне особое отношение.

– Господи, дочь моя! – Оля обняла Дашку. – Где ты этого набралась?!

– В папиной книжке писали, – Даша слегка занервничала. А вдруг нельзя читать папины книжки?

– Моя ты начитанная! – Оля поцеловала Дашу и тут же скомандовала: – А теперь на обед, вундеркинд!

Тем же днем, только значительно позже, когда уставшее Солнце уже отправилось ко сну, погрузив все земное в сумрак ночи, Оля лежала на кровати и смотрела на засыпающую Дашу. Пытаясь как-то упаковать в голове события этого дня, Оля время от времени с удовольствием думала о лучшем. «Если лечение будет таким же, как прием и условия, я..., я... Да я вагон свечек поставлю! Знать бы только, кому...».

Глава 4. Первое знакомство

По мере приближения ночи – времени сна для земных обитателей, Феечкина напряженность возрастала в геометрической прогрессии. Она то судорожно листала конспекты, перерывая кипу исписанных тетрадок, то донимала Одуванчика, постоянно отрывая его от работы, то истерично смеялась, а то едва не рыдала, закусывая нижнюю губу. О концентрации, спокойствии и доброте, о которых часто говорил Одуванчик, даже речи не было! Лишь бы не сорваться!

Но время неумолимо шло, подводя события к самому первому самостоятельному делу безумно красивой, но этим днем очень нервной девушки.

– А я говорил тебе, пушистый, надо было бабку брать! – зудел на ухо Сухой. – Она с девчонкой сейчас накосячит, а совокуплять будут тебя!

– Не накосячит, – вмешался Рыжий, проходивший мимо с длиннющей сигарой наперевес.

– Где взял? – тут же заинтересовался табачным изделием Сухой.

– Купил на выигранные средства! – подколот Сухого Рыжий.

Сухой скривился и буркнул в сторону Рыжего: «Падлюка», а Рыжий, довольный собой, смачно затянулся и выпустил густое облачко дыма прямо в скривленную физиономию Сухого.

– Пушистый, – Сухой вновь обратился к Одуванчику, – может, вы все-таки передумаете? Гляди, как ее «колбасит», – Сухой показал на Феечку, которая отчаянно грызла ногти и стучала коленками друг об дружку.

– Не слушай ты этого истеричного дрыща, – вмешался в разговор Рыжий, – все будет «ок». Ты же тоже нервничал, когда в первый раз.

– Все нервничают, – присоединился к разговору Светлый, – и, тем не менее, у всех получается.

– А у нее не получится! – настаивал на своем Сухой.

– Спорим?! – Рыжий протянул руку Сухому, но Сухой отскочил от руки Рыжего, как чокнутый кот от бульдога.

– Иди лесом, шулер! – зашипел Сухой на Рыжего и снова принялся «бомбить» Одуванчика: – Меняй, пока не поздно!

– Поздно, – опять вставил веское слово Рыжий, степенно покуривая сигару.

Завязался самый обычный спор, в котором Сухой яростно отстаивал необходимость срочной замены, Рыжий с олимпийским спокойствием «всёокейничал», Светлый осторожно предполагал благоприятный исход событий, а Одуванчик, разрываясь между «низья» и «зья», все быстрее вышагивал на месте.

И только удивительно красивая девушка, избившая коленки до синяков, искусавшая губы до крови и сгрызшая ногти до локтей стояла в испуге, то склоняясь на сторону «зья», то перебегая в противоборствующий лагерь.

Большинство уверенно побеждало худосочное зло, вещавшее свое «низья» в гордом одиночестве. И, скорее всего, победа была бы одержана вполне законным путем, если бы не окрик Начальницы, которой эта дискуссия порядком поднадоела.

– Мальчики!

Все дружно замолкли и принялись внимать.

– Сворачивайте базар! – продолжила она. – Дайте напутствие нашей девочке.

Все тут же уставились на милую, испуганную, готовящуюся вот-вот зарыдать Феечку, которая стояла возле стойки и дрожащими руками держала папочку в нежно-рыжем переплете.

Сухой решительно двинулся к Феечке, чтобы первым дать ей дельный совет. А то эти хлюпки обязательно все испортят своими розовыми соплями!

– Слушай меня внимательно! – Сухой стал прямо перед Феечкой, схватил ее за плечи и расставил свои ноги так, чтобы никто его не мог обойти. – С людьми, как с собаками. Нужно сразу показать, кто в доме хозяин. Поэтому ты первым делом даешь ей по заднице! Ясно?!

– Я думал, ты уже вылечился, – Рыжий аккуратно подпихнул одну ногу Сухого так, что тот едва не разъехался в шпагате.

– А что не так-то?! – возмутился Сухой, собирая ноги вместе. – Я всегда так делаю. И знаешь, работает – нечего делать!

– Ага, – Рыжий сделал комичное выражение лица, – представляешь, муха, – обратился он к Феечке, – ты спишь, ничего не подозреваешь, а тут твой ангел-хранитель нарисовался. И плюху тебе сходу отписывает! «Приветик, деточка, это тебе для поддержки духа!». Я бы точно офигел!

– На моих работает идеально, – стал оправдываться Сухой, видя, как его идея тут же встретила осуждение в массах.

– Так то твои, дурень! – Рыжий стал вальяжно ходить вокруг консилиума специалистов-феечконоставников, неспешно покуривая сигару, – их и кувалдой «угадать» – не грех!

– Заинтересуй ее какой-то игрой, – вступил в разговор Светлый, – поиграйте в «лова», например или в «войнушки»...

– С девочкой? – продолжал «троллить» мистер «я-все-знаю», время от времени выпуская клубы дыма.

– Надо быть спокойным, уверенным в себе, – начал Одуванчик, – вести беседу без лишней эмоциональности...

– И сразу прочитать ей лекцию о важности личной гигиены, – язвительности Рыжего сигарный табачок был явно на пользу.

Собравшиеся наставники, перебивая и оспаривая друг друга, стали предлагать варианты первого знакомства. Все, кроме Рыжего. Тот степенно ходил кругами и с удовольствием смаковал сигару, периодически подливая масло в огонь спора.

Один предлагал набить попу, другой – устроить войну, третий – литературные чтения под классическую музыку... Разброд и шатания!

– Педагоги из вас, ребятушки, как из меня балерина. Вы что, с девочками никогда не работали? – Рыжий наконец решил прекратить этот безумный консалтинг, сбивавший с толку и без того растерянную Феечку.

– Ладно, Макаренко, – Сухой с деловым видом засунул руки в карманы безразмерного пальто, – предлагай!

Рыжий с важностью посла растолкал своим объемным торсом всех «педагогов», обступивших Феечку, и голосом, внушающим доверие, сказал:

– Просто иди к ней.

– Просто иди? – дрожащим голосом переспросила Феечка.

– Да. Поверь мне. Просто иди. Ты поймешь, что нужно делать. Ты сама себе подскажешь, что делать.

– Правда? – Феечкины глаза сверкнули какой-то неземной надеждой.

– Поверь мне!

Феечка крепче прижала к себе папку и зажмурила глаза. Но тут же в страхе широко открыла их, словно пытаясь убежать от кошмара.

– Нет, нет, я не готова, я все испорчу, я не могу, я... – затараторила она в ужасе.

Рыжий, сохраняя потрясающее спокойствие, положил руку Феечке на голову, словно благословляя ее на первое самостоятельное дело, и тихо, почти шепотом сказал:

– Иди.

Феечка умолкла, закрыла глаза и сделалась полупрозрачной.

– Держу за тебя кулачки, – прошептал Одуванчик, притоптывая на месте.

Дашин сон по обыкновению начался с какой-то унылой, размытой и неопределенной серости. Серая серость на сером фоне. Но серость быстро сменилась ослепительно белым пространством. Даша будто оказалась внутри большого-пребольшого, белого-пребелого шара. Она будто бы висела посередине этого белого пространства. Вокруг не было ни души. Даше тут же захотелось что-нибудь нарисовать. И с кем-нибудь. Видеть сон в одиночестве как-то грустно. Только чем рисовать-то?

– Привет! – услышала Даша позади себя во сне.

Девочка тут же обернулась на приятный женский голосок.

Миниатюрная, изумительно слаженная темноволосая девушка с потрясающе красивыми глазами мило улыбалась Даше. При этом девушка немного нервничала, переминаясь с ноги на ногу.

– Привет! – ответила Даша.

«Интересно, кто это? – во сне подумала Даша, – Она такая миленькая, что совсем-совсем не может быть кошмаром. И так приятно улыбается. Чем-то на Серебрянку из «Тинкер Белл» похожа, только без крылышек. Может, прячет?».

– Меня зовут Даша, а ты кто? – окончательно определившись в том, что представшая перед ней Феечка – не кошмар, Даша решила продолжить знакомство. Может у нее фламики есть? Порисуем тогда вместе.

– Я... я... – мялась Феечка не зная, как представиться. Ангел-хранитель как-то слишком громко, подружка – фамильярно...

– Я знаю, – спасла ситуацию Даша, – ты – феечка!

«Боже! Как просто!». Феечка выдохнула и перестала гарцевать на месте. Наконец-то определено, кто она.

– Да, ты угадала! – с улыбкой радостно ответила Феечка.

– А где твои крылышки? – тут же спросила Даша, снова поставив в тупик милую девушку, явившуюся во сне.

– Крылышки? – Феечка была явно озабочена этим вопросом.

– Ну да. Все феи носят крылышки, – Даша прямо понять не могла, почему это феечка, которая прямо сейчас стояла перед ней, не знает таких простых вещей.

– Ой! Мои крылышки! – всплеснула руками Феечка, поняв смысл игры. Ей действительно что-то подсказывало. Что-то изнутри.

– Потеряла? – с укоризной спросила Даша, как обычно мама ей говорит, когда она что-то очень важное теряет или где-то забывает. А потом забывает, где она это забыла.

– Мамочки! – вслух заперезживала Феечка. – Мои крылышки! Мои миленькие, маленькие крылышки!

– Спокойно! – Даша сделал жест рукой, как обычно делает мама, разбираясь в очень-очень сложных вопросах. – Давай подумаем вместе. Где ты их могла оставить?

– Я... я... не знаю! – тревожилась Феечка, оглядывая вокруг себя белое-пребелое пространство.

– Давай рассуждать логически, – маминой назидательной интонацией была пропитана каждая буква, каждый звук, сказанный Дашей. – Я сейчас сплю. Так?

– Так, – кивнула Феечка.

– А если я сплю, значит я в кровати. А если я в кровати, значит я либо дома, либо в больнице. Так?

Феечка в ответ безмолвно кивнула.

– Если ночничок не горит, – Даша на мгновение прищурилась, – а он не горит, значит я в больнице. На четвертом этаже. А на четвертый этаж можно попасть или по лестнице, или через окно. Как ты ко мне попала?

– Я... я...

– Ты даже не знаешь, как ты ко мне попала?

Феечка виновато пожала плечами, сделав миленький, наивненький вид.

– Будь я феечкой – я бы залетела через окно. Значит ты потеряла свои крылышки где-то у окна, – закончила расследование Даша.

Феечка обернулась в поисках окна, но, узрев лишь белую-пребелую белость без малейшего намека на окно, в растерянности развела руки:

– Окно?

– Боже, деточка! Ты и окно потеряла?! – Даша приняла позу «руки в боки» и с укоризной посмотрела на растерянную Феечку. Видела бы Ольга сейчас этот же сон, она бы точно гордилась своей дочерью!

Феечка виновато пожала плечами.

– Да ты просто растеряшка! – покачала головой и тут же добавила: – Точно, я поняла! Ты – феечка и тебя зовут Растеряшка!

«Ура! Теперь у меня есть имя!» – подумала Феечка и радостно выдохнула. Теперь можно импровизировать.

– Я сейчас, – Феечка махнула рукой и перед ней тут же образовался маленький столик, на котором лежали фломастеры и губка для стирания.

– Ура! Фламики! – радостно закричала Даша.

– Секундочку, – Феечка потянула белое-пребелое пространство, и оно превратилось в огромную, белую доску для рисования.

– Окно... – задумалась Феечка и стала старательно вырисовывать окошко. Откровенно говоря, получалось у нее не очень.

Окошко получалось каким-то кривым, не настоящим. Оно совсем не было похоже на те окна, которые Даша привыкла видеть дома или где-нибудь еще. Рисовальщица из Феечки, как оказалось, была не важная.

– Давай, я помогу, – вызвалась Даша.

– Ой! – Феечка вытерла проступивший пот на лбу. – А давай!

Даша подскочила к окошку и стала исправлять все неточности, допущенные художником-недоучкой, феечкой Растеряшкой. Надо сказать, что Даша рисовала куда лучше Феечки. И в скором времени на белой-пребелой доске красовалось вполне милое окошко. Правда, не очень большое, можно сказать окошечко, через которое феечка Растеряшка аж никак бы не пролезла. Что делать?

– Ничего! – радостно сказала Феечка и, схватив окошко за уголок, растянула его до огромных размеров, едва ли не в рост Даши. Или Феечки. Безумно красивая Феечка была столь миниатюрна, что в своих габаритах немногим отличалась от милой рыжеволосой девочки девяти лет от роду.

Теперь Феечка и Даша стояли возле большущего окошища, сквозь которое даже Дашин папа пролезет, если сильно захочет.

– Чего-то не хватает... – задумчиво сказала Даша, глядя в абсолютно белое пространство за окном.

– Я знаю! – спохватилась Феечка, схватила зеленый фломастер и стала старательно вырисовывать кроны деревьев. А Даша голубым фломастером принялась ваять небеса, оставляя в них небольших белых барашков – облака.

Когда работа над пейзажем за окном была закончена, Феечка с Дашей посмотрели на свою работу, потом друг на дружку, улыбнулись и одновременно кивнули. Наконец окошко стало настоящим.

– Я посмотрю, – сказала Феечка, потянула за ручку на окне и... окошко открылось. Совсем как настоящее!

– Смотри, не выпади! – забеспокоилась Даша, глядя на то, как смело высовывается в хоть и нарисованное, но ожившее окно Феечка.

– Не вижу, – обиженно заметила Феечка, выглядывая свои потерянные крылышки за окном.

– Надо кого-то попросить, – предложила Даша, – кого-нибудь, кто умеет летать и не теряет крылышек.

Феечка тут же смекнула, о ком идет речь, и принялась разными фломастерами ставить галочки за окном. Галочки замахали крылышками и превратились в самых настоящих птичек.

– Ой, птички! – воскликнула Даша.

– Птички, птички! Посмотрите, пожалуйста, есть ли за окном мои крылышки! – попросила птичек Феечка. Но ожившие галочки-птички громко чирикали и быстро летали взад и вперед, не обращая на Феечкины просьбы никакого внимания.

– Они тебя просто не замечают! Они слишком быстро летают и слишком громко чирикают! – решила Даша, взяла горстку фломастеров со стола и стала рисовать красивеньких, разноцветных бабочек за окном. Одна, вторая, третья... В скором времени бабочками был усыпан весь небосвод!

– Бабочки! – позвала Даша.

Бабочки тут же ожили, замахали крылышками, влетели в распахнутое окошко и облепили бедную Феечку с головы до пят.

– Кыш, апчхи! Апчхи, апчхи, кы... апчхи, кыш! – Феечка внезапно начала отчаянно чихать, отмахиваясь от облепивших ее бабочек. Но бабочки никак не хотели оставлять миленькую, миниатюрную феечку Растеряшку, верно принимая ее за какой-то цветок.

– У тебя, наверное, аллергия на бабочек, – предположила Даша.

– Апчхи, навер... апчхи, ное, апчхи! – сквозь чихание ответила Феечка.

– Бабочки, бабочки! – пришла на выручку Даша. – Не видали ли вы за окном крылышки этой милой, но ужасно забывчивой феечки? Будьте так добры, посмотрите, пожалуйста!

Бабочки тут же упорхнули, оставив в покое от души начихавшуюся Феечку, и полетели за окно.

– Нет, нет, – тоненьким голосочком одна за другой отвечали бабочки, порхая и высматривая летные приборы самой забывчивой феечки на свете.

Феечка немного загрустила, а Даша не растерявшись, начала кого-то рисовать. Кого-то с черно-желтыми полосками, с шестью лапками и прозрачными крылышками. Кто бы это мог быть?

Нарисованная пчелка громко жужжала и грозно посмотрела на Феечку.

– Она меня сейчас укусит! – отступая назад, в страхе пролепетала Феечка.

– Нет, не укусит, – ответила Даша, взяла желтый фломастер и быстренько дорисовала пчелке два ведерка, полных меда. По одному в каждую лапку. Пчелка улыбнулась, кивнула Даше в знак благодарности и довольно жужжала своими прозрачными крылышками.

– Пчелка, пчелка! Дай мне немножко меда! – вежливо попросила Даша. Пчелка с радостью подлетела к Даше и вручила ей полное ведерко ароматного меда.

– Хочешь, Растеряшка? – спросила у Феечки Даша, протягивая ей ведерко с медом.

– Нет, спасибо, – ответила Растеряшка, – я сладкое не ем, за фигурой слежу.

– Ты прямо, как моя мама! – рассмеялась Даша и отпила из ведерка немного вкусного пчелкиного меда.

– Милая пчелка! Посмотри, пожалуйста, не видно ли где крылышек этой феечки Растеряшки, которая всё и всегда теряет! – попросила Даша пчелку. Пчелка с громким жужжанием тут же полетела за окно, полетала взад и вперед, высматривая потерю, но, увы, ничего не нашла.

А Даша с Феечкой продолжали рисовать летающих помощников, не оставляя попыток найти столь нужные для полета крылышки. Кто у них только не летал! И большой жук, и

маленький комарик, и быстрокрылая стрекоза. Даже розовый слон! Да, да, летающий, розовый слон. Разве вы не знали, что розовые слоны тоже умеют летать? Он, наверно, потому и умел летать, что, в отличие от некоторых, своих крылышек не терял.

Окончательно обессилев от безуспешных поисков, Даша предложила Феечке:

– А давай мы тебе крылышки нарисуем!

Феечка хотела было взяться за работу, но тут, откуда-то сверху, послышался нежный Олин голос:

– Даша, просыпайся!

– Мне пора, малышка, – грустно сказала Феечка Даше.

Даша тут же выпятила нижнюю губу и собралась расплакаться.

– Ну, ну! – Феечка тут же бросилась успокаивать рыженькую девочку с очаровательными косичками. – Ты что, малышка? Не плачь! Я ведь еще вернусь!

– Правда? – Даша так посмотрела на Феечку, что даже милая миниатюрная девушка, феечка Растеряшка, так и не нашедшая своих крылышек, пустила слезу. Слезка скатилась по миленькому личику, обернулась удивительно красоты кристалликом и полетела вниз. Феечка ловко подхватила слезинку-кристаллик и протянула ее Даше.

– Держи. И не плачь. Пожалуйста! Следующей ночью я обязательно буду с тобой.

Даша взяла слезинку феи, крепко зажала ее в кулачке и обняла свою Растеряшку крепко-крепко.

– Я буду ждать!

– Просыпайся, рыжик! – снова послышался мамин голос.

Даша проснулась, крепко сжимая в кулак правую руку.

– Вставай, зайка, – нежно сказала Ольга, будившая дочку, – у нас с тобой впереди много дел.

Даша разжала кулачок, но в запотевшей ладошке, увы, ничего не было. Но Даша даже не расстроилась. Это ничего! Ведь это же было во сне. И следующей ночью она, рыженькая девочка с очаровательными косичками, обязательно встретится со своей новой подружкой, феечкой Растеряшкой. Ведь Растеряшка пообещала ей. А феечки, если уж что-то пообещают – обязательно выполнят! На то они и феечки.

А Феечка стояла у стойки и улыбалась. Выглядела она очень уставшей, но очень довольной, даже счастливой.

– Ты как? – спросил ее испереживавшийся Одуванчик.

– Она – просто чудо! – с загадочной улыбкой ответила Феечка.

– Ты – тоже чудо! – восхитился Феечкой Одуванчик. – Ты так здорово все придумала, так классно организовала!

– Не я, – Феечка все еще улыбалась под впечатлением первого знакомства, – не я. Это все она. Она – такая умница!

– Но по заднице надо было дать! – вставил дельное замечание подошедший Сухой.

– Ай! – Феечка махнула на Сухого рукой. – Ты видел? – обратилась она к Светлому, который торопился к Феечке из глубины коридора, держа правую руку за спиной.

– Супер! Ты – молодец! – Светлый достал руку из-за спины. В руке оказался букет миленьких, полевых цветочков, которые он тут же вручил Феечке: – Поздравляю!

– Спасибо! – Феечка еще больше заулыбалась и обняла Светлого.

– Слышь ты, бабник пернатый, – незаметно, откуда-то сзади подошел Рыжий, – хорош к нашей мелкой клинья подбивать!

– Да я... – начал эмоционально Светлый, но Рыжий тут же его перебил, закуривая сигарету:

– Знаем мы эти ваши «да я»! Сперва букетики, потом конфетки, а после поминай как звали!

– О! Опять бубнеть начал, старый хрыч! – отозвался Сухой, – иди, от маразма чо-нить выпей, черт предпенсионного возраста!

– Как я тебе? – желая на корню зарубить ростки спора, спросила у Рыжего счастливая Феечка.

– Пойдет для первого раза, – безразлично ответил Рыжий и, не желая больше поддерживать разговор, неспешно удалился прочь, покуривая тошнотворную сигарету.

Глава 5. Зав

С первого же дня отлежки началась настоящая гонка по кабинетам. Обследования, обследования, обследования... Оля даже не предполагала столько всего нужно будет пройти. Кровь только раза три брали. И КТ, и МРТ, и еще что-то... Даже злосчастный гинеколог! Ну, на кой девочке девяти лет гинеколог, кто скажет?! Однако Сергей Сергеевич, невзирая на молодой с виду возраст, был не по молодости суров и непреклонен в своем решении. Надо! Ну ладно, надо – так надо, пройдем.

Даше эта беготня не очень нравилась. В особенности, когда ей стали тыкать иглой в шею. Было очень больно и страшно. Даша даже не поняла, чего было больше: боли или страха. Но то, что это было нехорошо, она точно поняла. И больше ни за что не соглашалась на эту процедуру. А хоть бы даже ей мама попу била! Или даже папа! Иглой в шею все равно больнее. Кстати, как папа бьется по попе, Даша не знала. Не доводилось ей еще биться папой по попе.

Неделя подходила к концу, предвещая не очень веселые выходные. Во-первых, на вопрос: «Ну что?», Сергей Сергеевич предпочитал отмалчиваться, как партизан, или отговариваться, как махровый политик. Мол, пока четко говорить не о чем, будем еще смотреть и тому подобное.

«Что там смотреть?!». В то время (по правде говоря, большая часть дня), пока Оля была свободна от всяческих обследований, она яростно рыла всемирную паутину в поисках ответа. Перелопатив тонны всяческих статей на понятном языке, прочитав тысячи отзывов больных и изучив, пожалуй, сотню эпикризов (которые выписки из истории болезни), выложенных в интернете, Оля уже и сама знала, как лечить. Правда, серьезные статьи, как то: материалы симпозиумов, семинаров, рефераты, исследования и прочая, изобилующая спецтерминами лабуда, Оле не очень-то поддавалась. Откровенно говоря, совсем не поддавалась. Да и Бог с ним! Зачем писать сложно о том, о чем можно сказать двумя простыми словами?! Статей вон – целая куча!

«Что там смотреть?! Надо оперировать!». Тем более, что операция (по отзывам) не сложная, реабилитация (из выписок) не долгая и прогноз (из популярных статей) вполне благоприятный. Даже она, чокнутая мамашка, далекая от медицины, теперь с легкостью могла поставить диагноз и определить план лечения. Операция, потом химия, потом домой. Всё!

И это – во-первых. А, во-вторых, Сергей Сергеевич упорно не желал отпускать семейство Солнцевых домой на выходные. Что тут делать в выходные?! Кровать пролеживать и харчи больничные проедать?! Обследований в выходные все равно не будет, все разбегутся по домам. Да и сам Сергей Сергеевич субботу и воскресенье предпочтет провести вне больницы. Зав будет только в понедельник, а без него, как понимала Оля, Сергей Сергеевич серьезных решений не принимает. Иначе как понять его молчание? Он-то, может, и врач с большим опытом, но зав, судя по всему, мужик куда матерее. И будет он не ранее, чем в понедельник. Что тут делать?!

Набравшись решимости, Оля в очередной раз пошла на штурм ординаторской, чтобы этим пятничным вечером наконец добиться долгожданной свободы.

– Сергей Сергеевич, можно? – Оля осторожно заглянула в просторный кабинет с двумя столами, стоявшими возле окна и одним столиком поодаль.

– Да, Оля, заходите, – устало ответил молодой врач, копаясь в каких-то бумажках.

– Сергей Сергеевич, – Оля решила сразу взять «быка за рога», – как там насчет выходных?

– Выходных? – Сергей Сергеевич на мгновение оторвался от бумаг, мельком взглянув на Ольгу, но тут же зарылся в какой-то писание.

– Да, выходных! – настаивала на решении не единожды озвученного вопроса Ольга.

– Насчет выходных... – протяжно произнес молодой врач, – насчет выходных, Ольга Борисовна, могу сказать лишь то, что они обязательно будут! И не далее, как с завтрашнего дня, – не отрываясь от бумаг, справедливо отметил Сергей Сергеевич.

– Сергей Сергеевич, так, может, мы домой, а? – Ольга сделала максимально просящее выражение лица.

– Может и домой, – рассеянно отвечал молодой врач, – а может и не домой.

– Ну, Сергей Сергеевич, ну пожалуйста! – просила Ольга, не сдавая своих позиций.

– Оля, – оторвавшись наконец от бумаг, Сергей Сергеевич строго посмотрел на Ольгу, – а если вы за эти выходные тю-тю, сбежите куда-то?

– Куда?! – голосом, полным непонимания, спросила Ольга. – Куда нам бежать, если у нас даже кровати проплачены на две недели вперед?!

– Я Вас умоляю! – снисходительно сказал Сергей Сергеевич. – Оля! Кого проплаченные кровати останавливали от побега?!

– Ну, как... ну... – замялась Оля.

– Да так! Сбегают, исчезают на полгода-год, а потом приходят со слезами на глазах. «Помогите, спасите!». А там уже такое... – Сергей Сергеевич предусмотрительно оборвал описание. – Оля, я могу отпустить вас с Дашей, но при условии, что в понедельник, не позже восьми утра вы, как штык, будете в отделении.

– Зуб даю! – улыбнувшись «американской улыбкой» и показав так сказать товар лицом, тут же ответила Ольга.

– И куда мне потом ваш зуб прикажете? – наклонив вбок голову, с ехидной интонацией спросил молодой врач. – Зубами онкологию мы пока лечить не научились. Пишите расписку.

– Какую? – Оля немедля плюхнулась на свободный стул.

– Пишите: главному врачу областной...

Сергей Сергеевич стал диктовать текст расписки, согласно которой Ольга несет полную ответственность за здоровье и жизнь ребенка, добровольно забирая того из стен больницы.

Оля быстро накатала расписку, вручила ее Сергею Сергеевичу и полным надежды голосом спросила:

– Можем идти домой?

– Можете, – устало выдохнул молодой врач, – вы можете. А я, вот, пока нет, – Сергей Сергеевич недовольно кивнул в сторону кучи бумаг, валявшихся у него на столе, – работа, знаете ли...

– Так я пойду?

– Идите, Оля. Только помните: не позже восьми утра в понедельник!

– Угу! – скоро угукнула Оля и, выскочив из кабинета, весело помчалась в палату за Дашкой, напевая: «Домо-ооо-о-о-ой!» – строку из песни одной очень «секретной» группы.

Тем временем Даша, оставшаяся в палате, не теряла времени. Будучи абсолютно уверенной в пробивных способностях мамы, Даша успела сложить свой рюкзачок, переодеться и заплести волосы кукле.

Откровенно говоря, Даша редко когда попусту проводила (то есть теряла) время. В её-то возрасте каждая секунда на счету! Пока Ольга была поглощена виртуальной медициной, Даша успела: раззнакомиться с парочкой вполне «прикольных» девочек, разругаться с ними же на следующий день, через день, помирившись с теми, с кем намеренно разругалась, осуществить масштабную вылазку по больнице в поисках интересных мест. Юным покорителям неизведанного открылась святая святых: больничная кухня. А знакомство с Ольгой Алексеевной, бессменным стражем святыни и заведующей пищеблоком, тут же обернулось разными вкусностями из числа малоучтенных (тех, что забыли списать) продуктов, в числе которых был абрикосовый джем и с десяток «сосачек».

Еще была разведана детская площадка. Нет, не та старая и поломанная, которая «красовалась» в больничном дворе, утопая в пластиковых пакетах и пустых бутылках. Оказалось, что прямо за родильным корпусом (там, где производят малышей) была небольшая, но очень классная детская площадка, на которой работали абсолютно все качели и была чистая песочница. Без пакетов, без бутылок и окурков, просто с песком. Чудеса!

Даша не упускала возможности полюбезничать с Сергеем Сергеевичем при случае. Да и Сергей Сергеевич всем своим видом давал понять, что беседы с Дарьей Юрьевной доставляют ему неподдельное удовольствие. Сергей Сергеевич всегда улыбался при встрече с Дашей, был максимально внимателен и корректен в разговоре и всегда пытался блеснуть остроумием. Даше очень нравилось общаться с молодым доктором, принимавшим ее, маленькую девочку с рыжими косичками, как вполне взрослую состоявшуюся особу, заслуживающую особого внимания. Да и чего там греха таить, сам Сергей Сергеевич Даше тоже нравился.

А вот зава, этого Глеба Мироновича, Даша заочно боялась. Девчонки рассказывали про большущего, лысого, с окладистой бородой мужика, с огромными ручищами и очень грубым голосом. В своем воображении Даша рисовала себе зава таким громилой-монстром в белом халате, который поедает на ужин непослушных детей. И этот нарисованный образ совсем не внушал доверия девятилетней, вполне послушной (да, да!) девочке с рыжими косичками.

А еще Даше очень нравилась бабушка Дуся. Эта сказочная медсестра преклонного возраста, стоило ей только появиться на глаза, тут же собирала вокруг себя ораву детей. Бабушка Дуся так здорово могла рассказывать сказки! Теплым, бабушкиным голосом, вставляя всяческие старенькие словечки, о которых нынешние дети успели позабыть, еще не узнав, Евдокия Гавриловна рисовала самые неожиданные повороты сюжетов самых обычных сказок. Колобок у нее вполне мог оказаться внучатым племянником людоеда, Змей Горыныч – жертвой бесчеловечных экспериментов доктора Франкенштейна, а Кощей Бессмертный на самом деле – Илья Муромец, переболевший ангиной. Бабушка Дуся всегда находила совершенно непредсказуемую мораль сказок в совершенно неожиданном месте. «А потому, деточки, водицы холодной пить не следует, чтобы ангиной той не заболеть, как Илюша наш, добрый молодец...» – говорила она.

Но, пожалуй, не это главное, что так влекло детей и взрослых к этой удивительной, с виду совсем непримечательной пожилой женщине. Удивительная доброта, теплота, душевность и покой, которыми просто искрилась Евдокия Гавриловна, просто магнитом приманивали к ней людей. Было в ней что-то, что мы: и взрослые, и дети, когда-то имели и бережно хранили в себе. По крупинке, по капле собирая это по жизни, мы бережно хранили это где-то глубоко в шкафчике души на дальней полке. А потом забыли. Бессмысленная суета, бесполезные споры, беспочвенный гнев и бесчеловечное равнодушие. Бежим куда-то, кипим, все разбрасываем... Кто растерял, кто уже запамятовал, где оно и как выглядит. У кого как. А вот Евдокия Гавриловна как раз и возвращала всем то, что когда-то было дорого. С лихвой, с привесом, с походом возвращала, совершенно не требуя за то какой-то награды или иной выгоды.

Эта больница Даше очень нравилась. Очень! Но дома все равно лучше. И потому Даша с самого пятничного утра стала донимать Олю аккуратным, но доставучим нытьем. Даша великолепно умела играть на маминых нервах! Казалось, что она с рождения знала, как достать маму. До вечера пятницы Оля успела сотню раз крепко пожалеть о том, что намекнула Даше о возможности отъезда на выходные. Но, слава Богу, все случилось так, как планировалось и они отправлялись к родным пенатам.

Оля же очень-очень хотела домой! Вроде бы ничего такого в больнице она не делала, но все равно смертельно устала. Дома ее ждал маленький сынуля Богданчик и большой ребенок, муж Юра. Юрка, конечно, молодец, сказать нечего, все «распетлял» шустро и грамотно. С сыном разобрался, отвезя того на дачу к отцу. Благо, Боду очень нравилось у дедушки Миши на даче. А уж как рад был дедушка Миша – и словами не передать! И дом без присмотра не оста-

вил, пригласив в качестве дежурной свою маму, Инессу Александровну. С Олиным начальником договорился. Кум ведь, как-никак, не откажет. И, не смотря на это, Олю дома ждала целая гора домашней работы. Ведь это только в кино люди приходят домой, чтобы отдохнуть. Наш человек дома отдыхать не привык.

Взлелеянное Ольгой в больнице желание распознаться леной тушкой на диване перед телевизором окончательно рассеялось воскресным вечером прямо перед кастрюлей борща. «Блин, как быстро выходные пролетели!» – с горечью подумала Ольга, забрасывая капусту в кастрюлю и попутно планируя вещевой набор в больницу.

Ранним утром, в понедельник, совершенно невыспавшаяся Оля, вытащив из такси тяжеленную сумку и сонную дочку, отправилась в отделение на четвертый этаж.

Дверь в отделение Оле и Даше открыла дежурная медсестра, которая тут же огорошила новостью запыхавшихся девочек.

– Быстренько к себе в палату! – скомандовала медсестра и быстро прикрыла дверь, едва не отдавив Ольге пятки.

– Что-то случилось? – спросила Оля, уловив явную тревожность медсестры.

– Сейчас расскажу, – оглядываясь, ответила медсестра и быстренько проводила утренних «полежалцев» в палату.

Как оказалось, на выходные особо ответственные мамыши из неврологии в составе трех человек (классика), не придумав более плодотворного времяпрепровождения, попросту напились вдрабадан. Ладно бы просто распозлись по палатам, так ведь они дебош устроили! Больничный сторож вызывал наряд в то время, пока два паренька из санитаров пытались как-то угомонить разбушевавшихся мамаш. В итоге разбитые стекла, порезанные руки (у санитаров), сломанные стулья в количестве двух штук и сердечный приступ у старичка-сторожа. Неплохой урожай за вечер! Могли бы и больше, но стражи порядка вовремя скрутили.

Естественно, что о происшествии быстро доложили главврачу. Главврач, «обрадованный» такими прекрасными новостями на выходные, строго наказал удалить из больницы всех тех, кто там находится не должен. В пылу начальственного гнева Валерий Александрович, главврач больницы, грозился в понедельник же, с самого утра самолично пройтись по всем отделениям, проверить каждую палату и произвести инвентаризацию всех свободных коек. Понятное дело, что никто учет сводных мест вести не будет. Про это «бате» и так докладывается ежедневно с заносом «капельницы», но попить крови, пролетев фурией по всем отделениям, Валерий Александрович мог.

Медсестра очень попросила Ольгу пока не «отсвечивать» и посидеть в палате до прихода кого-нибудь из врачей. И кровать освободить. Пока. Как оно будет дальше, пока не ясно.

Ругаясь на полоумных мамаш-алкашек, Ольга убрала свои пожитки с кровати и улеглась рядышком с сопящей Дашей, которая тут же завалилась досыпать свои положенные десять часов в сутки. Естественно, сон ни в какой глаз не лез после «приятных» новостей, и Оля решила еще раз пройтись по материалу дочкиной болезни. Может, что упустила? Повторение, как говорят, мать учения.

К половине девятого отделение начало оживать. Забегали медсестры, активно обсуждая «выходные» события, появились врачи. Только зава пока не было. Во всяком случае, Ольга, периодически осторожно выглядывая из палаты, не увидела ни одного нового лица.

Вместо зава часикам к девяти или чуть позже в палату заглянул Сергей Сергеевич.

– Доброе утро! – тихонько поздоровался он и, глядя на спящую Дашу, спросил: – Спит еще принцесса?

– Спит, – шепотом ответила Ольга.

– Оля, можно вас на пару слов в ординаторскую?

– Да, да, конечно, – ответила Ольга, накинула на плечо свою сумочку с ценными вещами и отправилась вместе с молодым врачом. Кроме обсуждения последствий субботнего дебоша, Оля не предполагала никакого иного разговора. Но этого вопроса разговор даже не коснулся.

– Оля, – усадив на стул в ординаторской Ольгу и разложив перед собой Дашину историю болезни, начал молодой врач, – обследование показало определенные... – сделав паузу, Сергей Сергеевич подбирал подходящее слово, – особенности в подходе к лечению вашей дочки.

– Особенности?

– Да, Оля. Как показали материалы исследования, – продолжал разговор молодой врач, доставая снимки МРТ из истории, – новообразование у Даши расположено вплотную к крупному сосуду и отстоит от него всего лишь в паре миллиметров. Такая ситуация требует определенного подхода в лечении.

– Какого? – Оля начала нервничать, теребя ремешок сумочки.

– Пока про оперативное вмешательство придется забыть. Необходимо провести ряд лечебных мероприятий по уменьшению новообразования...

– Химиотерапия и облучение? – перебив Сергея Сергеевича, спросила Ольга.

– Да. Мы подойдем к вопросу дифференцированно, – продолжал Сергей Сергеевич, но Оля почему-то решила запротестовать.

– Подождите, Сергей Сергеевич! Есть же альтернативные методы борьбы с опухолями...

И Ольга, несколько не стесняясь, стала изрекать все те умные «медицизмы», которых она с лихвой набралась за прошедшую неделю, штудировав интернет. Сергея Сергеевича, очевидно не раз сталкивавшегося с подобной ситуацией, исключительная начитанность очередной мамы ни чуть не смутила.

– Вы давно у нас работаете? – задал он вопрос Ольге, прервав ее доклад на полуслове.

– В смысле?

– Ну, вы сейчас пытаетесь мне, лечащему врачу вашей дочери, рассказать о том, как надо лечить. Так?

– Нет, что вы, Сергей Сергеевич! – тут же пошла на попятную Ольга.

– Тогда будьте добры, дослушайте для начала мое предложение относительно лечения, – продолжил Сергей Сергеевич, – смотрите, чтобы вам было понятно, – Сергей Сергеевич достал снимок мозга Даши из истории, – видите светлое пятно на снимке?

– Да, – ответила Ольга, рассматривая не очень понятную серую картину.

– А вот, пересекая светлое пятно, видна темная ветка. Видно?

– Да, видно.

– Это сосуд, питающий очень важную часть мозга. При детализации видна опасная близость сосуда и новообразования. Если мы в процессе операции затронем этот сосуд, самым безобидным исходом будет полная инвалидность пациента, понимаете?

Олю тут же бросило в жар. «...самым безобидным... А если не самое, то это...?».

– А не затронуть мы его просто не можем, – продолжал молодой врач, – для того чтобы гарантированно избавить вашу дочь от этой заразы, мы должны удалить и близлежащие ткани. Возможно, они тоже вовлечены в онкопроцесс. Оставлять пораженные клетки ни в коем случае нельзя! Рецидив будет молниеносным и с самым плохим прогнозом. А удалить их из-за сосуда мы тоже не можем, поэтому...

– А что на этот счет думает заведующий? – снова перебила врача Ольга, пытаясь справиться с внезапно нахлынувшей «трясучкой».

– Глеб Миронович целиком и полностью согласен с моим планом лечения, – не выказывая никакого беспокойства, ответил Сергей Сергеевич, – так вот...

– А можно с ним как-то поговорить? – переживания брали верх над здравым рассудком. Рассудок повелевал выслушать врача молча, а эмоции требовали немедленного бунта. – Может, спросить у него?

– А давайте спросим! – раздался густой крепкий бас за спиной.

Ольга обернулась. Сзади нее стоял большущий, метра два ростом мужчина в белом халате. Абсолютно лысая голова с окладистой, наполовину седой бородой, посаженная на поистине богатырское тело, огромные, едва ли не с голову, ручищи... Да этот зав больше мясник, чем врач!

– Глеб Миронович, – привстал Сергей Сергеевич.

– Сиди, сиди, Сережа, – сказал огромный доктор подрастающему поколению и снова обратился к Ольге: – И зав вам ответит, что целиком и полностью солидарен со своим коллегой. Потому что Сергей Сергеевич – замечательный врач, обладающий достаточным опытом в онкологии, перспективный специалист, которого ждет, Сережа, – Глеб Миронович погрозил огромным указательным пальцем молодому врачу, словно бы предостерегая от необдуманных действий, – самое светлое будущее. И, уж если на то пошло, я считаю, что Сергей Сергеевич – лучший нейрохирург не только в нашей клинике, но и во всей области!

Молодой врач немного застеснялся, а Глеб Миронович продолжил:

– Вы выслушали план лечения от своего лечащего врача?

– Я... – что-то попыталась сказать Ольга.

– Так вот, выслушайте его для начала. А потом принимайте решение. И я вам настоятельно не рекомендую предпринимать каких-то активных, необдуманных действий, как то, – Глеб Миронович стал загибать огромные пальцы, перечисляя предостережения: – в срочном порядке искать другую больницу и другого врача, продавать последнее, чтобы поехать в зарубежную клинику для лечения или же вовсе обращаться к каким-то магам и колдунам. Поверьте, кроме потерянного времени Вы больше ничего не приобретете. А время в Вашем случае – самый ценный ресурс. Вам понятно?

– Понятно, – безропотно кивнула Ольга.

– Вот и замечательно! – улыбнулся наконец великан в белом халате. – Кстати, меня зовут Глеб Миронович.

– Ольга, – тихонечко представилась Оля, на которую громогласный спич грозного на вид зава произвел отрезвляющий эффект.

– Сережа, зайди потом ко мне, – сказал молодому врачу Глеб Миронович и удалился из ординаторской.

После этого Ольга, как самая послушная отличница в школе, внимательно выслушала Сергея Сергеевича, обсудила все вопросы, касающиеся лекарств и, согласившись со всеми рекомендациями, со спокойной душой отправилась в палату к дочке. Этот грозный с виду зав произвел на Ольгу какое-то умиротворяющее впечатление. Оля показалось, что такого Врача (именно с большой буквы) любая опухоль испугается. Даже самая злобредная.

«Нихрена себе зав!» – думала по дороге к палате Ольга.

Глава 6. Солнечный чертик

Следующая неделя, равно как и последующие две, стали отправной точкой в борьбе с этим гадским гадом, имени которого врачи из деликатности не называли, именуя его то новообразованием, то опухолью. Но теперь, вот сейчас, лежа с дочкой в онкологии, Оля прекрасно осознала, с чем или с кем им приходится иметь дело.

Раньше слово «рак», произнесенное не только в отношении закуски к пиву, хоть и вызывало у Ольги некий дискомфорт, но всё же было чем-то достаточно далеким, чем-то, что вроде бы есть, но не здесь, не сейчас, не в этой жизни. Никто из родственников или знакомых, слава Богу, этим недугом не страдал. И что оно есть на самом деле, Ольга знала лишь понаслышке. Равно как многие другие счастливики, коих миновала чаша сия. Раньше...

Теперь же, абсолютно точно зная диагноз и приблизительно понимая, как бороться, Ольга вновь смотрела в глаза этому смертоносному гаду. То, что было когда-то далеким, «нездешним», «несейчасным», вмиг превратилось в суровую реальность, от которой нельзя ни отмахнуться, ни отоспаться.

Бой с коварным чудовищем решено было вести из двух орудий. И подготовкой первого орудия Ольга занялась буквально сразу после внезапного знакомства с грозным завом. Вера Ивановна тут же представила Ольге три варианта на выбор, как потратить деньги. Конечно же (а как могло быть иначе?), Вера Ивановна рекомендовала к покупке самую дорогую позицию в списке. «Оленька, – тихонечко говорила старшая медсестра в сестринской, – вы, конечно, можете взять отечественный аналог. Он вроде бы тоже хороший. Но я бы вам порекомендовала брать оригинал. Знаете, у нас девочки брали и то, и то, и вот разница была просто огромной! Я, конечно, не уговариваю вас, в конечном итоге, это – ваши деньги и вам решать, но...».

Ну да, оригинал, как известно, он-то получше копии будет. О краске в косметическом салоне мастера тоже так говорили. Но только Ольга была не в косметическом салоне и не выбирала, какой блондинкой ей быть завтра на корпоративе. Она выбирала, чем бороться за жизнь собственной дочери. А торг тут, как известно, не уместен.

Отсчитывая купюры буквально пачками, Ольга вспомнила чью-то крайне меткую фразу: «Онкология – удовольствие не из дешевых». Турция, по слезинке отложенная на лето, тихо уплывала за море, махая на прощание своей гостеприимной, «оллинклюзивной» ручкой. Взамен ей приходили какие-то баночки и ампулы в картонных коробках, таблетки, системы и даже хреновина, название которой Ольга почему-то хорошо запомнила: резервуар Оммая. Эту штуку Даше должны были поставить в спину. Остальное – в вену.

Второе орудие, в отличие от первого, существенных финансовых вливаний не требовало. При областном онкодиспансере, что находился совсем рядышком с клиникой, буквально через дорогу, был корпус лучевой терапии. Облучиться можно было и в другом месте, но далеко, за деньги и на том же оборудовании. Сергей Сергеевич конечно же оставил пространство для выбора, но акцентировал внимание на том, что распыляться не стоит. По сути, одно и то же: что тут, что там.

Сергея Сергеевича больше волновал вопрос прицельности самого выстрела. Для проведения точного, буквально точечного расстрела новообразования, требовалась полная Дашкина неподвижность на протяжении 30 секунд. И для взрослого это – проблема, а уж для ребенка – и подавно! Сергей Сергеевич очень переживал по этому поводу. Как оказалось, не напрасно.

Установка первого орудия состоялась в манипуляционной, на холодном скользком столе. Клеенка горчичного цвета поверх стола тут же напомнила Оле ее детство. Точно такая же! Холодная, противная и вся в пятнах!

Сперва Даше ставили катетер-бабочку. Даша вспомнила бабочек, которые во сне облепляли чихающую феечку Растеряшку, и улыбнулась. Было немножко больно, но Даша согласи-

лась потерпеть. Ведь это же бабочка. «Мы только один разик сделаем «коль», – говорила Даше молодая медсестричка, которая в присутствии Сергея Сергеевича все время как-то странно улыбалась, – а потом будет совсем не больно». Ладно, делайте.

А вот той штукой, которую ставят в спину, занимался лично Сергей Сергеевич. Он наказал Даше раздеться до пояса и лечь на бочок, на эту противную клеенку. Даша, конечно же, была сконфужена таким неожиданным поворотом событий. Ей, Дарье Юрьевне, в таком непристойном виде предстать перед кавалером! Но ныне Сергей Сергеевич исполнял роль ее лечащего врача, а это значило, что на такие непристойности нужно просто закрыть глаза. Обновившись и уместившись на столе, Даша так и сделала.

И вот зачем она, прежде чем зажмуриться, мельком взглянула на железную миску, в которой лежала огромная игла?! Это для нее?! Для маленькой девочки такая большая игла?! Едва Даша закрыла глаза, как тут же представила себе эту огромную иголку, которой до этого добрый и симпатичный доктор протыкает ее насквозь! Её, маленькую девочку с рыжими косичками. Дашу тут же разобрала «трясучка».

– Даша, успокойся, я еще ничего не делаю, – пытался словами сдержать тремор Сергей Сергеевич, помазывая нужное место раствором йода. Но от этого Даша еще больше тряслась.

– Даша! Я так не смогу ничего сделать! – Сергей Сергеевич стал немного нервничать, слегка повысив голос.

Но ни мамыны, ни врачебные уговоры никак не могли унять эту коварную «трясучку», которая внезапно напала на Дашу. Даша тряслась мелкой дрожью и тихонько подхныкивала. Так, на всякий случай.

На помощь пришла добрая бабушка Дуся, которая словно сердцем чуяла, что в «манипулке» что-то пошло не так, как планировалось. Евдокия Гавриловна осторожно заглянула в манипуляционную и, поймав встревоженный взгляд Сергея Сергеевича, решила вмешаться.

– А хочешь, внучка, я тебе сказочку расскажу? – своим добрым «бабушкиным» голосом обратилась к Даше Евдокия Гавриловна, став у изголовья.

И Евдокия Гавриловна стала рассказывать сказку про ёжика, который от усердного чихания растерял все свои иголки. Даша тут же вспомнила феечку Растеряшку, которая взалхлеб чихала от бабочек, улыбнулась и прекратила трястись. По сюжету сказки лесные звери собрали все иголки бедняжки ёжика и по одной возвращали в него не самым гуманным путем. А как иначе?! Без иголок еще хуже будет! Лиса или волк не дремлют, тут же отобедают лысым ёжиком!

Всякий раз, когда Сергей Сергеевич, колдовавший у Даши за спиной, намеревался сделать девочке больно, добрая бабушка Дуся айкала очень по-ёжиковски, словно в прошлой жизни была доброй ежихой. На самом деле Даша не очень понимала, как айкают ёжики, но ей почему-то казалось, что ёжики айкают именно так. Процедура установки сложного приспособления была успешно закончена торжественным вручением большущего чупа-чупса, тайком переданного доброй медсестре-сказочнице Ольгой.

А вот со вторым орудием наметились куда более серьезные проблемы, которые силами чудесной сказочницы в белом халате решить не удалось бы.

Первой проблемой было втиснуться в плотную очередь к новому аппарату лучевой терапии. Из двух совсем не новых линейных ускорителей со слабым подобием хоть какого-то коллиматора, которые центр получил пару лет назад, работал только один. Второй находился в стадии перманентного ремонта едва ли не с момента получения. Пробриться к единственному работающему ускорителю было еще той задачей. Можно было записаться на старый, допотопный излучатель на кобальте, но Сергей Сергеевич даже не рассматривал это вариант.

Но нет такой проблемы, с которой бы не справились сотрудники детской онкологии! Даша, впритирку с «пожалуйста» и небольшой мздой, перекочевавшей из Ольгиного худеющего кошелька в карман врача-радиолога, была втиснута в очень плотную очередь.

Радиология представляла собой отдельно стоящее двухэтажное здание очень давнишней постройки. Угрюмый серый фасад здания лучевой терапии, видевший ремонт очень много лет назад, навевал тоску и уныние. Столь же унылыми и тоскливыми были пациенты, толпившиеся в холле радиологии. В холле было много пожилых, иссушенных тяжелой болезнью пациентов, которые кашляли, стонали и жаловались на самочувствие друг другу, с трудом передвигаясь от кабинета к кабинету. От этой унылой обстановки даже Ольгу пробирал какой-то неприятный холодок. А Даша и вовсе впала в отчаянье.

Предварительный визит к радиологу не прибавил оптимизма этому и без того неоптимистичному месту. Радиолог быстро измерил голову Даши обычным метром, которым снимают мерки в ателье и безапелляционно выстриг клочок рыженьких волос с головы. Поставив перманентным маркером крестик в зоне прицела, пожилой живчик в белом халате отправил Олю и Дашу с Богом, проронив на прощание неоднозначную фразу: «Завтра посмотрим, что получится».

Утром следующего дня, ровно в 7:20 (а иного времени просто не было) Ольга с Дашей стояли под дверью.

На удивление точно, где-то в 7:25, дверь распахнулась, и медсестра вывела из кабинета охающую бабушку с палочкой. «А мы оказывается не первые!» – с удивлением подумала Ольга, даже не предполагая, что в столь ранний час что-то, кроме травматологии, может принимать пациентов. А Даша всерьез перетрухнула. Бабулька, божий одуванчик, которую под руки выводили из кабинета, так артистично охала, что Даше тут же привиделось все самое страшное, что вообще могло привидеться. Даша вновь поразила «трясучка».

– Прекращай! – тихонько сказала ей Ольга. Но разве «трясучку» можно прекратить одним приказным словом? Конечно же, Дашу продолжало потряхивать.

Девочки вошли в небольшой предбанничек, в котором стоял один единственный стол с монитором и пультом управления. Возле стола стояло два стула. На одном сидел и колдовал настройками врач-радиолог, а второй, по-видимому, предназначался медсестре. Рядом со столом была большая, железная дверь, выкрашенная почему-то в серый «тюремный» цвет. Как-то совсем безрадостно.

Радиолог быстро закончил работу с настройками и, даже не поздоровавшись, обратился к Ольге:

– Девочка готова?

– Да, – ответила Оля, надеясь, что Дашка хоть немного успокоится.

– Делаем все быстро, – скомандовал Ольге и Даше пожилой живчик, врач-радиолог у большой железной двери, – на все про все у нас две минуты.

Врач с трудом распахнул тяжелую дверь, и вся троица быстрым шагом пошла по коридору, устроенному буквой «Г». Сперва они шли прямо, а потом повернули направо. За толстой стеной их ждала достаточно большая, но почему-то слабо освещенная комната с большим аппаратом посередине. В комнате было очень темно и жутко холодно. «Трясучка» Даши тут же усилилась.

Излучатель очень напоминал аппарат МРТ. МРТ Даше уже делали не единожды. И это было совсем не страшно. Пожалуй, было бы все замечательно, пожалуй, Ольге бы удалось убедить Дашу в абсолютной безвредности этой процедуры, если бы не гнетущая обстановка и непонятная спешка.

Врач-радиолог уложил на стол Дашу, повернул на бок и стал фиксировать голову к столу каким-то приспособлением, напоминавшим орудие пыток из средневековья. Страх, холод и ранее вставание сделали свое дело. Дашу трясло всю, она даже слово сказать не могла. Все попытки врача зафиксировать голову и прицелить проекционную рамку точно в крестик были тщетны.

Помудрив немного, врач отцепил Дашу и скомандовал всем быстро на выход.

Уже в предбаннике живчик-радиолог, не давший Ольге задать ни единого вопроса, быстро сказал:

– Будем делать под общим наркозом. Идите, договаривайтесь с анестезиологом. Завтра жду вас.

И всё. Представляете, всё! Вне всяких сомнений, профессионал должен работать быстро и четко, но чтобы так?!

Вдребезги расстроенная Ольга за руку с трясущейся Дашей вышла из кабинета в сопровождении медсестры, чтобы освободить место уже стоявшему у дверей старичку.

– А почему надо делать все быстро, – не надеясь на обстоятельный ответ, спросила у медсестры Ольга, – там так опасно?

– Нет, – медсестра улыбнулась, – просто наш врач четверть века на кобальте проработал, на ускорителях буквально год работает. А на радиоизотопных, знаете, там все фонит, лишней секунды оставаться нельзя. Вот он и привык за долгие годы делать все быстро, а отвыкнуть никак не может.

Видя полный эмоциональный «расколбас» утренних посетительниц, медсестра на прощание добавила:

– Да вы не волнуйтесь! Он – очень хороший врач, только, знаете, весь в профессии. Для него остального мира не существует, только радиология. И человек хороший, и врач отменный, только со странностями. Поговорите с девочкой, – тихонько сказала Ольге медсестра, – пусть не боится, ничего страшного нет. Она даже не почувствует. Просто такие условия.

«Такие условия...». Пока Ольга ходила к Сергею Сергеевичу и обсуждала вопрос наркоза, Даша решила немного прилечь. Доспать.

Во сне все тревоги тут же сняло как рукой. Еще бы! Ведь во сне, хоть и в неурочное время, ранним утром, к Даше пришла ее любимая феечка Растеряшка. Сменив дневную сказочницу, бабушку Дусю, ночная рисовальщица, улыбчивая красавица Растеряшка, была готова веселиться и рисовать все что угодно.

За неделю почти непрерывного ночного общения Феечка с Дашей нарисовали, пожалуй, не одну сотню сказочных персонажей. Даша успела покататься на единороге, поболтать с попугаем Кешей, побродить по радуге, скрыться в сказочной пещере у доброго гнома от стаи навязчивых мух и даже постучать в небесный барабан, по которому обычно тарабанят ангелы-проказники, пробуждая утреннее солнце. Во всяком случае, так сказала Растеряшка.

А еще Даша смастерила Растеряшке крылышки. Свои-то Растеряшка, как известно, потеряла, а без крылышек феи летать не могут. Для воссоздания фейского летательного приспособления в качестве консультантов были приглашены быстрокрылая стрекоза и тяжеловесный жук. Но консультанты из них вышли неважные. Стрекоза настаивала на скоростных и маневренных качествах крыльев, а жук уперто твердил о подъемной силе, в подтверждение своих слов выкладывая кучу расчетов и чертежей. Так и не достигнув консенсуса, стрекоза и жук подрались, оставив бедных девочек без консультантов. Что ж, пришлось выдумывать самим.

Крылышки получились не самыми ровными и красивыми. Правое крыло было немного больше левого. Но Растеряшка все равно была рада подарку. В процессе первого испытания, едва взмыв в воздух, Растеряшку тут же потянуло вправо, в сторону большего крыла. Поджав ноги, Растеряшка неистово закрутилась вокруг оси и плюхнулась на пол с окончательно закруженной головой. Тут же были внесены конструктивные изменения.

Второй вариант крыльев был на вид более удобоваримым. Но только на вид. Испытания тут же показали серьезный правый крен, с которым бедная Растеряшка стремительно влетела в стену. Отмахнувшись от круживших вокруг головы звездочек, которые Даша тут же нарисовала Растеряшке, ударенная феечка с трудом поднялась и заплетающимся языком сказала: «Надо доделать».

На доделки у девочек ушло аж три ночи! Новые варианты то подбрасывали бедную Растеряшку вверх, то клонили на бок, то крутили вокруг себя, а то вовсе отказывались поднимать в воздух. Вконец измучавшись, подружки решили отложить это занятие до того момента, пока Растеряшка не раздобудет чертежи. А в качестве временного транспорта нелетающая феечка использовала розового слона. Да, да, того розового слона, который умеет летать. Потому что он (в отличие от некоторых) крылышек не терял.

И в этот раз феечка Растеряшка мило улыбалась, стоя перед расстроенной Дашей. Едва завидев свою подружку, Даша тут же стала рассказывать ей о страшном аппарате в холодной и темной комнате жуткого здания, о немногословном и странноватом враче, передвигающемся исключительно быстрым шагом, и о том, что ей выстригли целый пучок волос. Она об этом уже говорила, но напомнить о таком неприятном событии не будет лишним.

Выслушав Дашу, Феечка задумалась. Непростой вопрос. Когда Даша озадачивала Феечку простыми вопросами, та ненадолго исчезала, возвращаясь потом с готовым ответом. Даша предполагала, что Растеряшка бегала советоваться с мудрыми феями, заседавшими в фейской библиотеке знаний. Почему именно так, Даша и сама не знала, но такая интерпретация исчезновений Растеряшки была более чем убедительной.

Оставив порхающего розового слона в качестве заместителя вместо себя, Феечка вновь ненадолго исчезла.

– Ребята! – закричала вернувшаяся в канцелярию Феечка. – Нужна помощь!

– Да ладно? – тут же съехидничал рядом стоявший Сухой, нехитрые советы которого всеми принимались в штыки.

– Ну, пожалуйста! Очень надо! – взмолилась Феечка, скрестив руки на груди.

Одуванчик и Светлый тут же отозвались на зов помощи, подойдя к Феечке для устройства импровизированного консилиума. Только Рыжий по традиции маячил где-то за спиной, всё слыша, всё видя и всё зная. И ничего толкового до времени не говорил, развлекаясь подтруниванием над коллегами.

– Дай ей по заднице! – продвигал воспитательную панацею Сухой. – Что это за фигня такая?! Страшной ей! Надо! Сказано «надо» – делай!

– Ага! Долбани её битой по башке, – отозвался «заспинный» Рыжий, – и пока она будет в «отключке», облучай до позеленения. Надолго ее не хватит, зато дешево и сердито!

Огрызнувшись в сторону Рыжего, Сухой умолк со своими советами, передав слово другому оратору.

– А ты с ней будь, когда она туда пойдет, – предложил Светлый, – пока ее будут это...

– Облучать, гений! – отозвался Рыжий.

– Да, облучать, – продолжил Светлый, – ты ее будешь чем-то развлекать.

– А тебя не смущает, анестезиолог волосатый, – снова вмешался Рыжий, – что наша маленькая коллега – сонная муха и являться может только во сне? Как девчонка уснет, если её трукмарит, как пьяного электрика под напряжением? Наркоз? Тогда на кой наша муха ей сдалась, если девку добрый дядя доктор вырубит?

– Ты попробуй ей все спокойно объяснить, – начал осторожно советовать Одуванчик, – обстоятельно, без паники. Она – девочка умная. Она все поймет.

– Ага! – Рыжего было не унять. – Замери ее чтением лекции про ионизирующее излучение! А когда она скопытится, облучай, сколько влезет. Покойничкам, как известно, трястись не свойственно.

Феечка злобно топнула ножкой, подскочила к прохаживающемуся вразвалочку Рыжему и, схватив того за полы плаща, прокричала ему прямо в лицо:

– Что ТЫ предлагаешь, шутник?!

Не обращая никакого внимания на агрессивные выпады, совершенно несвойственные милому «феечкообразному» созданию, Рыжий картинно поморщился, брезгливо снял Феечкины руки со своего плаща, отряхнул его и с пасторской интонацией начал проповедь:

– Узри истину в простом, неразумное насекомое! Лучевая терапия... лучи... Что испускает лучи?

– Аппарат лучевой терапии! – как заправский отличник, тут же выпалил Одуванчик.

– Спасибо, «капитан Очевидность»! – похвалил Одуванчика Рыжий и продолжил наставлять Феечку: – Солнце! Нарисуй ей Солнце с лучами! Нарисуй грязную лужу, обзови её опухолью и покажи, как солнечные лучи иссушат эту гадость. Импровизируй! Тему я тебе дал.

Феечка подскочила от радости, пискнула: «Спасибо» и тут же сделалась полупрозрачной, вернувшись в Дашин сон.

– Кажется, я знаю, – игриво сказала Даше вернувшаяся Растеряшка, взяла фломастеры и начала рисовать большой желтый круг. Когда круг был закончен, феечка Растеряшка стала выводить из него прямые линии.

– Солнце? – предположила Даша.

– Умничка! – похвалила Растеряшка девочку и продолжила рисовать.

Когда лучи были закончены, феечка Растеряшка принялась дорисовывать солнышку глазки и улыбающийся ротик. Это же – доброе солнышко, так ведь? Едва феечка нарисовала два кружочка внутри большого круга, как ее подружка, рыженькая девочка, звонко расхохоталась, едва не упав со смеху на пол.

– ? – Феечка совершенно не понимала причины смеха. Но отойдя буквально на пяток шагов от рисунка, тут же сама принялась хохотать. Сама того не желая, неудачная художница нарисовала очень достоверный, волосатый и желтый свиной пяточок.

– Это – солнечная хрюшка! – сквозь смех, произнесла Даша.

«Пяточок, пяточок...». Феечка быстро прокрутила в голове какие-то образы, тут же уменьшила получившийся пяточок и стала дорисовывать к нему мордашку. Потом толстоватое тельце с точащими палочками-руками и ногами. Ручки и ножки получились кривоватыми, но Растеряшка не терялась, она продолжала ваять. К улыбающейся мордашке сверху Растеряшка пририсовала козлиные рожки, а ножкам-кривулькам – копытца. Потом Растеряшка дорисовала получившемуся образу длинный и худой хвост, а в руки вручила лук со стрелами.

Даша, прекратив смеяться, с интересом наблюдала за рождающимся образом. Забавный человечек желтого цвета, с пяточком, с хвостиком, с рожками и копытцами... Кто бы это мог быть?

– Прошу любить и жаловать! Солнечный чертик! – феечка с гордостью представила свое художество, которое, тут же ожив, подмигнуло Даше левым глазом.

Рыженькая девочка расхохоталась пуще прежнего.

– Так не бывает, – сквозь смех сказала Даша.

Получившийся солнечный чертик, который все слышал и видел, сразу же обиделся, сделав грустное выражение лица.

– Не обижайся на нее, – нежно сказала чертику Растеряшка, – она ведь не знает, что солнечные чертики тоже существуют.

– Разве? – усомнилась Даша.

– Еще как! Вот солнечные зайчики бывают?

– Угу, – угукнула Даша, подошла к солнечному чертику и, как котенка, почесала того под шеей. Чертик закрыл глазки и довольно захрюкал.

– И солнечные чертики бывают, – продолжала Растеряшка, – только они очень маленькие, поэтому мы их не видим. Но, если они маленькие, это же не значит, что их нет, так ведь?

– Угу, – продолжала угукать Даша, почесывая хрюкающего от удовольствия чертика. – А что они делают?

– Они? – Феечка на мгновение задумалась. – Они... Они рождаются из любых лучиков. Из солнечных...

– Из аппарата лучевой терапии тоже? – перебила Растеряшку Даша.

– И из аппарата лучевой терапии, – подтвердила феечка. – Они охотятся за всякими пакостями. Микробами, болезнями...

– И опухолями? – снова перебив Растеряшку, спросила про больную тему Даша.

– И опухолями, – подтвердила феечка, – они стреляют в них стрелами из своего солнечного лука. Они – хорошие, они людям помогают. Смотри!

Растеряшка взяла серый фломастер и нарисовала бесформенную злую тучку с большими зубами, которая, едва появившись, злобно зарычала и бросилась в сторону феечки.

– Ай! Она меня сейчас укусит! – в страхе закричала Растеряшка и попятилась назад.

Но солнечный чертик, который еще совсем недавно был краской желтого фломастера, хитро прищурившись, натянул тетиву своего солнечного лука и метко выстрелил в злую тучку. Тучка, желавшая от злости покусать Растеряшку, испустила злобный визг и испарилась, превратившись в маленькое, белое и, судя по всему, вполне миролюбивое облачко.

Весь остаток непродолжительного утреннего сна подружки проиграли в забавную игру: «Попади в тучку». Даша играла на стороне чертика. Она прицеливалась вместе с ним в очередную тучку, которая злобно вращая глазами, стремилась укусить солнечного чертика. А Феечка, пытаясь помешать чертику и Даше прицелиться, периодически трясла большой белый экран с ожившими рисунками. Когда начиналась тряска, чертик с Дашей никак не могли прицельно выстрелить. Если стрелковая команда успевала метко выстрелить, тучка превращалась в облачко и на нарисованном табло, к счету игрока: «Солнечный чертик» добавлялся один балл. А если выстрел не был метким, тучка подбегала к чертику и кусала того за ногу. Чертик жалобно хрюкал, пытаясь отбиться ногой от злобного, зубастого, серого пятна, а на табло счет игрока: «Опухоль» жирнел ровно на один балл.

– Соня! – послышался откуда-то сверху тихий Ольгин голос.

Игру пришлось прервать на счете 15:15.

Даша проснулась в замечательном настроении. Едва проснувшись, Даша стала просить маму попробовать еще раз с лучевым аппаратом. Даше очень хотелось, чтобы солнечный чертик все-таки выиграл. Ведь в его победе обаятельная девочка с рыжими косичками была заинтересована никак не меньше, чем сам меткий стрелок.

На счастье, у радиолога была еще одна маленькая дыра в умопомрачительном графике. Ровно в 20:30.

«Этот чувак явно на ядерных батарейках!» – подумала Ольга, увидев, как немолодой радиолог все так же лихо носится, невзирая на адский рабочий день.

На этот раз Даша была воплощением самого спокойствия. Девочка безо всякой паники улеглась на холодный стол и, не ропща, позволила пристегнуть свою голову к столу этим намордником.

– Когда я в микрофон скажу: «Начинаем», ты глубоко вдохни и задержи дыхание, – перед уходом из комнаты сказал Даше радиолог, – мы все сделаем быстро. Как только можно будет дышать – я тебе скажу. Полминутки потерпишь?

Полминутки?! Ха-ха! Сущяя мелочь! Даша еще с садика ходила на плаванье и училась задерживать дыхание. Да она всех тех, кто с ней плавал, «перенедышать» могла! Даже Пашку, который на два года старше. Однажды они «зарубились» с Пашкой, и Даша пробыла под водой целую минуту и пять секунд. Представляете! Минуту и пять секунд! Даже тренер Алевтина Арсеньевна заперевживала. Да что там тренер! Даша и сама испугалась такой своей прыти. Она бы могла еще не дышать, но ей почему-то показалось, что она и вовсе разучится дышать, если еще немножко, еще чуть-чуть пробудет под водой. Разучится и будет остаток своей жизни жить в бассейне.

Даша вынырнула под всеобщее ликование и, отдышавшись, показала язык нахмурившемуся Пашке, не продержавшемуся и сорока секунд.

– Начинаем! – прозвучал из динамика голос врача.

Даша глубоко вдохнула, надула щеки, задержала дыхание и закрыла глаза. Перед ней тут же появился солнечный чертик, который целился в очередную тучку-опухоль. Тучка рычала, злилась и, щелкая зубами, летела в сторону чертика. «Бим-mmm» – запела тетива, и солнечная стрела пронзила коварную тучку, обратив ту в полупрозрачное мирное облачко.

Даша едва не закричала от радости. Ура, 16:15! Но радоваться было рано. На горизонте появился еще один супостат, больше прежнего. Если бы Даша дернулась от радости или крикнула – солнечный чертик наверняка бы промахнулся, и счет снова стал бы равным. Поэтому Даша лежала, не шевелясь, лишь усиленно раздувая щеки. «Бим-mmm, бим-mmm, бим-mmm» – пела тетива, раз за разом поражая серых недругов метким выстрелом.

– Можно дышать! – огласил конец игры голос реактивного врача-радиолога.

Даша радостно выдохнула. Ура! Победа!

– Мама, мы победили со счетом 20:15! – не сдерживая радости, заголосила Даша, едва завидев Ольгу.

– Молодец! – похвалила дочку Ольга, так и не поняв, кто кого и в чем победил. Бог с ним. Главное, что проблема со вторым орудием в нелегкой борьбе с коварным членистоногим была решена.

Пожилый врач–радиолог живо отстегнул Дашу и, скомандовав всем: «Выходим!», помчался на выход. Его уже ожидал еще один пациент.

«Это дядька явно подзаряжается от своих аппаратов!» – выходя из радиологии, думала Ольга.

Глава 7. В нашем доме поселился замечательный сосед

В отделении детской онкологии дела шли очень хорошо. Четкий план борьбы с недугом был разработан, проблемы с воплощением решены. Реактивный радиолог дал свое согласие на вечерний прием, избавив Дашу от необходимости вставать ни свет, ни заря. Даже вопрос совместной отлёжки был решен усилиями Веры Ивановны, которая отнекивалась вплоть до конца понедельничного рабочего дня. Отнекивалась, отнекивалась, а потом тихонечко отвела Ольгу в сестринскую и тихонечко, чтобы никто не услышал, дала свое согласие. Правда, за полуторную цену. Мол, главврач лапу положил. Ну ничего. «График тот же, – акцентировала внимание старшая медсестра, – рассчитываетесь подневно с утра».

Вплоть до четверга все было замечательно. В четверг, когда Ольга возвращалась с завтрака, с трудом таща за собой по лестнице «намакаронившуюся» Дашку и оладьи с какао в желудке, прилетела внезапная новость. Едва Ольга открыла дверь в отделение, как тут же столкнулась нос к носу с Верой Ивановной.

– Ой, Оленька, здравствуйте! – быстро проговорила старшая медсестра, уже с утра ушедшая с головой в хлопоты отделения. – А я вас все утро ишу!

«Я тут! Чего искать?» – подумала Ольга. А еще она подумала, что, пожалуй, надо меньше есть. Нет, меньше жрать! Оладьи с абрикосовым джемом были очень вкусны. Но их было много!

– Оленька, тут такая ситуация. . . – Вера Ивановна сделала маленькую паузу для придания разговору особой солидности. – Вам придется на денек съехать.

– В смысле?! – сытая Ольга совсем не была готова к «ударным» новостям»

– Оля, да вы не волнуйтесь, – Вера Ивановна взяла Ольгу за руку, – всего на денек. Мне надо пациента поселить. Он тяжелый. В буквальном и переносном смысле, – уточнила старшая медсестра, – в общую его поселять не желательно. . . да и Глеб Миронович велел. В общем, – Вера Ивановна обратилась уже к Даше, – у тебя сегодня будет новый сосед.

– Сосед? – с трудом сдерживая эмоции, спросила Ольга.

– Да, мальчик, – невинно хлопая глаза, подтвердила Вера Ивановна. – Да вы не волнуйтесь! Он – хороший мальчик, тихий. Его завтра прооперируют, а потом для него уже место освободится. Просто сейчас накладочка получилась, понимаете?

– Так ведь девочка она, – указала на Дашу раздосадованная Ольга.

– Ну, это ничего, – махнула рукой Вера Ивановна, – я же говорю, мальчик хороший, хлопот не доставит. Да вы не волнуйтесь, Оля! Всего на один день! Завтра я его переведу. Накладочка такая, мест нет.

«Господи, мальчика нам только не хватало!» – по дороге к палате думала Ольга, с трудом поспевая за семенящей Верой Ивановной.

У палаты их уже ждала высокая и очень худая женщина среднего возраста с огромной сумкой.

– Ой, нашлись-таки, нашлись! – низким голосом с хрипотцой радостно воскликнула стоявшая у палаты женщина.

– Да, нашлись, – с улыбкой ответила ей Вера Ивановна, – вот, ваша новая соседка.

– Ира! – живо представилась высокая и худая женщина.

Оля, прикрыв ладонью как всегда несвоевременно выскочившую отрывку, буркнула: «Оля» и полезла в карман за ключами от палаты.

Ирина, мать скоропостижно нарисовавшегося соседа, быстро вскочила в палату, как пушинку метнула в угол по виду тяжеленную сумку, бегло, как бы из вежливости восхитилась обстановкой и куда-то умчалась. Оля смотрела на это все с потрясающей сытой ленью. Какая-

то суматоха, кто-то куда-то бежит... «Блин, шмотки надо прибрать! – мысли с трудом протискивались по наеденным извилинам мозга, – Ну где ты взялась на мою голову?!».

Буквально через двадцать минут, едва Ольга успела прибрать кровать, двери распахнулись, и Ирина вкатила в палату инвалидную коляску с очень полным мальчиком.

– А вот и мы! – с радостью огласила свое появление Ирина.

– Доброе утро! – вежливо отозвалась Даша.

– Здравствуйте, – без особого энтузиазма сказала Ольга.

– Это – Дима! – представила сына Ирина и покатила к освободившейся кровати.

Вера Ивановна, сопровождавшая поселенцев, помогла отрегулировать кровать в полусидячее положение и, пожелав «Всего хорошего», удалилась.

Пока Ирина быстро застилала кровать, грузный мальчик с трудом встал с коляски и неспешно, тяжело дыша, дошел до кровати, чтобы устало плюхнуться в неё.

«Я надеюсь, в туалет он хоть сам ходит» – мелькнуло в голове у Ольги.

– Димочка, ты как? – спросила у сына Ирина.

– Хорошо, мама! – ответил мальчик. – Можно водички?

– Да, да, – Ирина бросилась рыться в пакете. Но воды там не оказалось.

– Ой, Димочка, вода закончилась! Я сейчас быстро сбегаю...

Оля без особой спешки полезла в Дашкину тумбочку и достала оттуда литровую бутылку воды.

– Вот, – протянула она воду Ирине.

– Ой, спасибо тебе! – поблагодарила Ольгу Ирина, безо всякой «предварилочки» перейдя на «ты». – Я отдам. Сейчас сбегаю, сейчас...

– Не надо, – махнула рукой Оля. Соседи все-таки.

Ирина, которую утренний переезд, по-видимому, крепко замотал, вспомнила, что что-то забыла в кардиологии, откуда они с сыном, собственно, и перекочевали. Еще раз пообещав отдать, Ирина кинула сыну: «Я скоро, Димочка!» и куда-то умчалась из палаты на своих длинных и тонких ногах.

А Ольга вспомнила о том, что совсем забыла побеседовать с Сергеем Сергеевичем на очень важную тему. И пока он не был кем-то занят, Оля решила изловить молодого врача и выдавить из него интересующие вопросы. Детей пришлось ненадолго оставить одних в палате. Разберутся. Они-то взрослые.

Оставшись наедине с очень грузным и малоподвижным мальчиком, Даша решила все-таки познакомиться поближе. Сосед как-никак. А о соседях, как известно, очень желательно знать побольше.

– Привет! Я Даша! – с улыбкой представилась миленькая девочка, уместившись «по-йоговски» на своей кровати лицом к собеседнику.

– Привет! – с одышкой ответил грузный мальчик и, переведя дух, добавил: – Я Дима.

– Очень приятно, Дима! – «отлюбезничала» в ответ культурная Даша. – Конфету хочешь?

Даша полезла в карман за припасами, недавно добытыми в ходе очередной вылазки в столовку.

– Сосачки, – презентовала подарок Даша, показав апельсиновую карамельку.

– Нет, спасибо, – ответил Дима, сглатывая слюнку, – мне нельзя, у меня диабет.

– Совсем, совсем нельзя?

– Совсем, совсем, – грустно ответил мальчик.

– Жаль, – посочувствовала Даша и сунула сосачку в карман. Хотелось ее съесть, но Даша предусмотрительно решила не делать этого на глазах бедного мальчика, которому сосачки есть совсем нельзя. – А тортики, пирожные? – продолжала интересоваться девочка с рыжими косичками.

– Нельзя, – еще грустнее ответил Дима, – ничего нельзя. Даже обычную картошку нельзя.

- Бедняжка! – расчувствовалась Даша. – А что же ты вообще ешь?
- Морковку вареную, капусту, курицу вареную... – стал перечислять мальчик.
- Фу! Как такое вообще можно есть?! – возмутилась Даша.
- А еще мама перед едой мне колет лекарство. Каждый раз. Инсулин. Доктор сказал, что если не уколоть, я могу умереть, – спокойно отвечал Дима.
- Ой, мамочки! – испугалась Даша. – Неужели так бывает?!
- Как видишь, – выдохнул Дима и, желая немного разбавить грустный разговор, добавил: – Зато у меня в меню целая куча таблеток! Каждый день по три горсти. Есть даже вкусные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.